

АННА МАЛЫШЕВА

Отель
«Толедо»

Художница Александра Корзухина-Мордвинова

Анна Малышева

Отель «Голедо»

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мальшева А. В.

Отель «Тоledo» / А. В. Мальшева — «АСТ»,
2016 — (Художница Александра Корзухина-Мордвинова)

ISBN 978-5-17-110923-3

Поддельная картина часто выглядит эффектнее подлинника. Фальшивые чувства бывают убедительнее настоящих. Александра умеет отличать оригиналы от подделок, но на этот раз ее ждет самая сложная задача – ведь нет ничего загадочнее собственного сердца...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110923-3

© Мальшева А. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Малышева

Отель «Тоledo»

Глава 1

Короткая стрелка настенных часов над барной стойкой отчетливо, с удовлетворением щелкнула, коснувшись цифры «пять». Александра повернула голову к огромному окну. Сквозь безлунную, долгую декабрьскую ночь уже просачивался рассвет. Черное небо над аэродромом засинело, огни наземных служб сделались тусклее, теряя интенсивность. Александра, щурясь, читала надписи на бортах самолетов, застывших на летном поле. В зале ожидания, ночью почти пустом, заметно прибавилось народу. Терминал Е аэропорта Шереметьево просыпался. Прошли, цокая каблуками, стюардессы в красной форме, катя чемоданчики. В кафе, где устроилась в ожидании вылета Александра, все чаще шумела кофемашина. Слышался хруст перемалываемых зерен, все сильнее становился запах кофе. За соседним столиком дремали две юные японки, транзитные пассажирки, в тапочках, надувных воротниках и наглазных масках. Девушки склонили головы друг другу на плечо. Одна из них, разбуженная кофемашиной, встрепенулась, растолкала подругу («Может быть, сестру, – подумала Александра, – они похожи, как сестры!»), достала из сумки зубную щетку и отправилась в дамскую комнату. Другая, сдвинув на затылок маску, оторопело огляделась, встретила взгляд женщины за соседним столиком и улыбнулась ей. Александра улыбнулась в ответ, невольно чувствуя зависть к этой беспечной юности, храбро спешащей куда-то через весь мир, с несколькими пересадками, в тапочках и с забавным, увешанным брелочками-игрушками рюкзаком.

Оставив сумку на сиденье, женщина поднялась с диванчика и подошла к огромному окну, выходящему на летное поле. Неподалеку виднелся лайнер с буквами KLM на борту. «Мой, – подумала художница, взглянув на часы. – Так странно всегда видеть снаружи свой самолет! Не верится, что он взлетит... Что такая штука может летать!» Она летала часто и, уже сидя в салоне, никогда не испытывала страха, даже во время турбулентности. Но, глядя на самолет, в котором нужно было лететь в очередную командировку, Александра чувствовала тревогу.

Вернувшись за свой столик, она заказала еще одну чашку кофе, хотя за ночь его было выпито столько, что женщина ощущала сильное сердцебиение. Или это был страх перед тем, что ей предстояло осуществить – об этом думать не хотелось. Александра предпочитала не пугать сама себя и списывать свое взбудораженное состояние на слишком крепкий кофе, на бессонную ночь, на смутный страх перед полетом. О том, ради чего затевалась поездка, она старалась не думать.

Художница летела в Амстердам первым утренним рейсом, и летела не впервые. Она хорошо знала и всем сердцем любила этот город, пронизанный сетью каналов, его темные старые кварталы с накренившимися в разные стороны «танцующими домами», набережные, уставленные тысячами велосипедов... Сонные кварталы «красных фонарей» рано утром, когда на улице можно встретить разве что мойщиков тротуаров, угрюмых, коренастых, с обветренными опухшими лицами, а окна и витрины, закрытые красными шторами и жалюзи, хранят самое невинное выражение. Великолепные музеи и богатейшие антикварные магазины, блошинный рынок на Ватерлооплейн и букинистические развалы на площади Спей, неподалеку от знаменитого цветочного рынка на сваях, чье отражение круглый год колеблется в черной воде канала. «И свет! – Александра закрыла глаза, слезящиеся от бессонницы. – Ни с чем не сравнимый влажный свет, в котором все видится одновременно мягко и отчетливо, так что жалеешь, что нет с собой мольберта и красок. Когда я впервые увидела этот свет, поняла, почему Нидерланды дали миру столько великих живописцев!»

Но сейчас ей совсем не хотелось ехать в Амстердам. Увы, повод для поездки был даже не столько печальный, сколько пугающий. Обычно Александра ехала за границу, чтобы отыскать вещи или картины для перепродажи в России, поучаствовать по чьему-то поручению в аукционе или выступить в качестве эксперта на сделке. На этот раз она ехала искать не картину, а человека, и это была ее собственная инициатива. Впервые за многие годы никто не оплачивал ее поездку. Художница ехала за свой счет, а денег у нее было катастрофически мало. Александра купила билет в одну сторону, так как не знала, когда вернется. Действующая шенгенская виза у нее была. Художница созвонилась с друзьями, живущими в Амстердаме, и с облегчением узнала, что может остановиться у них. Эта семейная пара, также художники-реставраторы, выпускники питерской Репинки, как раз собирались уезжать на длительную работу в Италию и готовы были оставить ей ключи от квартиры. «Отель я бы уже не потянула, ведь нужно что-то есть да еще вернуться домой... – Александра открыла глаза, услышав, как стукнуло блюдо о столешницу. Ей принесли кофе. – Мне повезло, что есть где остановиться. Везло бы и дальше... Везение мне просто необходимо!»

Месяц назад художница случайно узнала, что бесследно исчезла ее старая добрая знакомая, с которой ее иногда связывали общие дела. Надежда была широко известна в кругах московских коллекционеров, и хотя своего салона у нее не было, количество и качество совершаемых ею сделок зачастую превосходило достижения более состоятельных коллег. У нее было исключительное чутье на вещи почти мистического свойства. Александра сама была свидетельницей того, как Надежда коршуном накинулась на картину, ни с первого, ни со второго взгляда ничего не стоившую. После незначительной расчистки обнаружилось, что картина принадлежит кисти одного из самых знаменитых русских живописцев девятнадцатого века. Продана она была за баснословную сумму. Надежда могла бы выручить за шедевр и больше, но другой ее отличительной чертой являлось то, что она не гналась за деньгами как таковыми. Успех был очень важен для нее, но торговаться из-за надбавки Надежда не стала бы, чем отличалась от большинства своих коллег.

– Пойми, – говорила она как-то Александре, с которой всегда была очень откровенна. – Деньги – это хорошо, но это не главное. Я всегда прикидываю, конечно, сколько выручу, мне ведь нужно жить. Но куда важнее в сделке то, что я оказалась права... Это много значит для меня, понимаешь? Я готова потерять в деньгах, только бы не ошибиться.

– Ты просто страшно честолюбива! – смеялась Александра. Впрочем, она совсем так не думала. Честолюбие было тут ни при чем. Надежда дорожила сознанием, что наделена уникальным даром распознавать шедевры под личиной никчемной заурядности. Это и выделяло ее из общей толпы охотников за антиквариатом. – Скажи, тебе случалось когда-нибудь ошибаться? Знаешь, это совсем не так страшно...

– Никогда! – непримиримо отвечала Надежда, мотая головой, причем хвостики, которые она завязывала за ушами, как школьница, били ее по щекам. – Я ни разу еще не ошиблась, а если это случится, я все брошу к такой-то бабушке и уйду из профессии! У бывшего мужа багетная мастерская, он меня возьмет на работу!

В этих словах, несмотря на всю их категоричность, не было преувеличения. Надежда действительно славилась безошибочностью чутья и крайне болезненно воспринимала даже намек на то, что она может упустить никем не распознанный шедевр. Как все гении (а в своем роде она была гением), Надежда казалась несколько странной. Она три раза выходила замуж, но ни один ее брак не продержался и года. Со всеми бывшими мужьями у нее были прекрасные отношения. Вероятно, эти люди вполне земных профессий – инженер-строитель, детский врач-офтальмолог и последний муж, мастер по изготовлению багетов для картин, – чувствовали, что перед ними не вполне обычное существо женского пола, и расставались с Надеждой без вражды. Детей у нее ни в одном браке не было, но с ней постоянно жила племянница, дочь старшей сестры, столь же неудачливой в браке. Старшей сестре девочка мешала,

а Надежда приютила ее так же легко, как делала все на свете: выходила замуж, расставалась с мужьями, переезжала с квартиры на квартиру, совершала удачные сделки, изумлявшие всю антикварную Москву. Эта сорокалетняя женщина с девчачьими русыми хвостиками и круглыми серыми глазами, хранившими наивное выражение, была словно не от мира сего. Как шутила сама Надежда, она напоминала внешне и по поведению персонажа японского мультлика, одного из тех, которыми увлекалась ее племянница. И все же с Надеждой Пряхиной советовались солидные люди, ей доверяли сложнейшие сделки, ее приглашали выступить экспертом, когда возникал спор о подлинности и ценности того или иного лота на ближайшем аукционе. И она никогда не ошибалась.

– Кроме одного раза, вероятно...

Александра вздрогнула, осознав, что произнесла это вслух. Впрочем, ничьего внимания она не привлекла – кафе уже наполнилось посетителями. Это были пассажиры первых утренних рейсов, которые торопливо завтракали, готовясь разлететься во все концы света. Японки исчезли, вместо них появилась другая пара, муж с женой, которые довольно громко выясняли отношения. Мужчина был нетрезв, женщина, эффектная блондинка с дорогой сумкой и подкачанными губами, вытирала слезы, впрочем, осторожно, чтобы не размазать макияж. Длинноволосый парень с гитарой, дремавший всю ночь на диванчике напротив того стола, где сидела Александра, растирал мятое покрасневшее лицо ладонями, стараясь прийти в себя. Со стороны зала ожидания появилась большая группа китайцев, которые всю ночь безмятежно проспали на диванчиках. Становилось шумно. Александра расплатилась за кофе, залпом осушила чашку и поднялась из-за стола. Уже объявили номер выхода, откуда должна была начаться посадка на рейс до Амстердама.

«Да, кроме одного раза... Последнего!» Выйдя в зал, Александра остановилась поодаль от нужного выхода. Она не торопилась занять место в очереди. Ручной клади у нее с собой не было, за исключением небольшой брезентовой сумки, которая сопровождала художницу везде и всегда. Беспокоиться, что не хватит места на полке для багажа, не стоило. Александра подошла к панорамному окну и окинула взглядом летное поле. Самолет компании KLM уже стоял у обозначенного выхода, соединенный с ним гофрированной трубой. Женщина зябко повела плечами, хотя в зале ожидания было тепло. Несмотря на свой страх перед посадкой в самолет, она все же предпочитала думать об этом, а не о том, как исчезла Надежда.

История этого исчезновения была очень простой и тем не менее очень странной. Месяц назад на мобильный телефон художницы поступил звонок с незнакомого номера. Александра всегда отвечала на такие звонки, зная, что ее номер могут передавать потенциальным клиентам.

В клиентах же она очень нуждалась как никогда. Особняк на Китай-городе, многие годы служивший ей приютом, ставили на капитальный ремонт и реставрацию через два месяца. Мастерскую предписывалось освободить в самые кратчайшие сроки. Об этом Александру уведомили звонком из Союза художников, где особняк числился на балансе.

– Куда же я денусь? – спросила тогда художница, прекрасно, впрочем, сознавая, что вопрос не имеет смысла.

– Куда хотите! – последовал вполне ожидаемый ответ. – Вы и так занимали эту мастерскую двенадцать лет и платили копейки. А сейчас у нас и самые именитые авторы на самообеспечении...

Александра никогда не числила себя в именитых авторах, тем более что давно уже занималась не столько живописью, сколько реставрацией. Мастерская, расположенная в мансарде ветхого старинного особняка на Китай-городе, когда-то досталась ей по наследству от умершего супруга, художника довольно заметного, но безвозвратно погибшего и забытого еще при жизни. Первый этаж особняка, где провалились полы, хозяйничали крысы и клубился подвальный гнилостный пар, был давно заброшен. Второй и четвертый этажи опустели не так давно.

На третьем до последнего времени обитал скульптор Стас, единственный сосед Александры. И хотя их разделял необитаемый четвертый этаж, художнице все же было спокойнее от осознания того, что внизу кто-то живет. И вот он уехал...

Расставание было тяжелым. Александра сама не ожидала, что за долгие годы так привязалась к этому неунывающему пропойце, высоченному кудрявому богатырю, бабнику и горлопану. Даже уродливый шрам, пересекавший лоб скульптора – свидетельство драки с чьим-то обманутым супругом, казался ей теперь родным. Стас с чувством обнял бледную, растерянную женщину:

– Сашка, не унывай! Ты тоже тут недолго задержишься! Знаешь ведь, моя муза ищет тебе мастерскую неподалеку от нас. Пушкино – это ведь не край света! Привыкнешь и там!

– Я привыкла бы везде, – печально отвечала женщина. Возможно, впервые ее не мутило от резкого запаха перегара, неизменно исходившего от соседа. – Дело не в привычке...

– Что касается денег, родная моя, помогу, чем сумею! – пообещал скульптор. – Сейчас, правда, заказов мало... Помирать меньше стали, что ли, или на памятниках экономят?

Стас, будучи очень неплохим скульптором, в периоды безработицы пробавлялся изготовлением бюстов покойников, по которым скорбели зажиточные родственники. Сам он это занятие искренне презирал прежде всего потому, что в силу известных обстоятельств не мог лепить с натуры.

– Делаю с фотографии, шаляй-валяй, а им хоть в лоб, хоть по лбу! – жаловался он, в очередной раз напившись. – Покойник, скажем, смахивал на Хрущева... Я им ваяю что-то вроде Брежнева. Нравится! Вдовы аж плачут! Ничего не понимают... Ничего!

И вот Стас уехал вместе со своей музой, престарелой нянькой и натурщицей, Марьей Семеновной, в Пушкино, где вездесущая старуха, имевшая родственников неподалеку, в Тарасовке, отыскала ему помещение под мастерскую и квартиру. Александра осталась в разрушающемся особняке совершенно одна.

Ее давно не пугало одинокое существование в огромной ветхой мансарде, хотя единственной защитой от возможного нападения извне была входная дверь, обитая ржавыми железными листами и снабженная весьма условными старыми замками. Скрипы, шорохи и стуки, которыми полнился по ночам особняк, давно не волновали ее воображения. В призраков художница не верила, она боялась только людей. Стас со своей «музой» был ненадежной защитой, но все же он был. Теперь она в одиночестве противостояла темноте и страху. Но больше всего женщину пугало другое – как она переедет в несуществующую ее новую мастерскую со всем скарбом, накопившимся за годы? Груды книг, материалов для живописи и реставрации, весь вещественный хлам, которым так быстро и обильно обрастает творческий человек, – куда и, главное, на какие деньги все это перевозить и устроить по-новому?

Она стучалась во все двери, соглашалась даже на самую мелкую и невыгодную работу, несколько раз была вынуждена проглотить унижительные отказы и еще более унижительные рабочие предложения, на которые никогда прежде не пошла бы... И вот – незнакомый звонок, раздавшийся в ее мастерской однажды утром, в начале ноября, через несколько дней после отъезда Стаса.

– Могу я услышать Александру Корзухину? – осведомился мужской голос.

– Это я. – Александра поднялась из-за мольберта, на котором стоял готовый к реставрации натюрморт – незначительная работа незначительного художника середины двадцатого века.

– Мы незнакомы, – продолжал мужчина, забыв представиться. – Мне ваш телефон дала племянница Надежды Пряхиной. Вы ведь были знакомы с Надеждой?

– Были? – В желудке у Александры словно возник кусок льда. – Что случилось?!

– Вы, значит, ничего не знаете... – после короткой паузы ответил мужчина. – Она ведь пропала полгода назад. Никто понятия не имеет, где она сейчас.

Александра опустилась на стул, прижимая телефон к уху. У нее подкосились ноги. Она лихорадочно вспоминала, когда в последний раз видела старую знакомую. «Давно... Весной? Да, кажется, в марте. На аукционе. Мы почти не говорили, не было времени, только поздоровались и задали друг другу пару вопросов... Потом она один раз звонила, приглашала на экспертизу, но я не могла приехать...» В ее мысли врезался голос собеседника:

– Вы слушаете меня? Так вот, я говорю, Надежда пропала, и мы беспокоимся. Думаем, не заявить ли в полицию.

– Простите, а вы кто? – опомнилась Александра. – И почему вы обращаетесь ко мне?

– Я муж ее старшей сестры, Анны, – ответил мужчина. – Меня зовут Сергей, извините, не представился сразу. Просто сейчас как-то не до церемоний.

– Сергей, простите за такой вопрос, – Александра окончательно пришла в себя, – но почему вы только сейчас решили обратиться в полицию, если человек пропал полгода назад?

В трубке послышался глухой смешок. Художнице очень хотелось бы думать, что собеседник просто откашлялся, но она не обманывалась – он явственно усмехнулся.

– Да ведь Надя – взрослый, самостоятельный человек, – ответил он. – И никогда нам не отчитывалась, чем занимается. О том, что она куда-то там едет, мы узнавали по тому, что она привозила нам на время Лиду. И вот, Лида уже полгода живет у нас, а от Нади ни слуху ни духу.

Александра промолчала. Ей была хорошо известна уродливая ситуация, в которой оказалась четырнадцатилетняя племянница Надежды. Та и в самом деле видела родную мать только во время командировок тети. «Да и то, – с горечью говорила Александре приятельница, – если бы мне было куда еще пристроить Лидку, кроме как к матери, я бы это сделала. Но куда! Я одна такая дура среди наших родственников. Хотела один раз отвезти ее к Василию... Так он мне дал понять, что такие услуги обычно оказывают за деньги. Он хотел взять с меня деньги за то, чтобы продержат у себя несколько дней девчонку!» Василий был старшим братом Надежды и Анны. Александра никогда его не видела, но судя по рассказам приятельницы, это был совсем не тот человек, которому можно доверить ребенка. Со слов Надежды, старшая сестра никак материально не участвовала в воспитании девочки. Все расходы оплачивала тетя. Мать ограничивалась подарками на день рождения и на праздники, и подарки эти только озлобляли Лиду. «Лучше бы Аня придержала при себе деньги на эти телефоны и прочие гаджеты и съездила вместе с Лидкой к морю... Хоть раз в жизни!» – сетовала Надежда. Она доверяла Александре, зная, что та не сплетница, и потому всегда была с ней очень откровенна. Впрочем, ни для кого не было тайной, что живущая у нее племянница – вовсе не круглая сирота. У девочки был жив и отец, но кто он, чем занимается и почему ни разу не появился на горизонте, никто не знал. Об этом Надежда не обмолвилась ни разу, а сама Александра была слишком сдержанна, чтобы расспрашивать.

– Так что же... – медленно произнесла художница, с трудом собираясь с мыслями. – Полгода назад Надежда куда-то уехала, и никто не знает, куда? И ни разу не дала о себе знать?

– В том-то и дело, – со вздохом ответил Сергей. – У Лиды недавно был день рождения, так она даже ей не позвонила!

Это и в самом деле внушало серьезные опасения. Александра знала, что Надежда очень любила свою племянницу, и хотя иногда бывала с ней строга («А иначе девчонка совсем разболтается!»), пыталась как-то компенсировать девочке отсутствие нормальной семьи. В день рождения Лиды Надежда даже отменяла срочные дела, теряя деньги. И ни разу не было случая, чтобы она уехала в командировку.

– Лида весь день просидела с телефоном в руке, – добавил Сергей, не дождавшись комментария от собеседницы. – В общем, это был кошмар. Закатила под вечер такую истерику!

– Простите, а почему мне не позвонила мама Лиды? Почему звоните вы? – До Александры внезапно дошла вся странность ситуации. Ей звонил очередной сожитель Анны, а та отмалчивалась, хотя ситуация касалась ее куда острее.

Сергей вновь не то откашлялся, не то усмехнулся – Александра уже начинала думать, что такова его обычная манера скрывать замешательство.

– Аня против того, чтобы поднимать шум, – признался мужчина, немного помедлив. Было заметно, что он тщательно подбирает слова. – Аня считает, что сестра просто уехала куда-то, нашла свое счастье и теперь не хочет вспоминать о родственниках. Так она выразилась.

– И это счастье помешало Наде поздравить с днем рождения девочку, которую она воспитывала несколько лет подряд почти в одиночку? – не удержалась от язвительного тона Александра.

Мужчина вновь откашлялся.

– Я все понимаю, – ответил он. – Я тоже считаю, что Аня должна была сама воспитывать дочь. Вы меня не знаете, конечно, и можете думать все что хотите... Но я был совсем не против того, чтобы Лида оставалась с нами. Я хочу найти Надежду не потому, что мне не терпится сплавить с рук девочку. В общем, это моя собственная инициатива... Надя была хорошим человеком... Я беспокоюсь.

– Хорошо. – Художница решила впредь воздерживаться от саркастических замечаний. – По какой бы причине вы ни искали Надю, вы это все же делаете. Без согласия ее сестры, как я поняла?

– К сожалению... После дня рождения Лиды мне стало ясно, что дело серьезное. Я спросил ее обо всех знакомых Нади, она вспомнила несколько имен. Но мне это ничего не дало, потому что Надя увезла с собой все записные книжки. Если они имелись... А ваш телефон Лида знала, он почему-то у нее был. Вот я вам и звоню.

– Телефон у нее был, потому что Надя как-то ей с него звонила, – пояснила Александра, немедленно вспомнившая тот старый эпизод. – Мы с ней допоздна задержались на одних торгах, у Нади разрядился телефон, и она позвонила Лиде с моего, чтобы та не волновалась. Видимо, девочка внесла номер в память телефона.

– Так что вы думаете, как мне поступить? – неожиданно спросил мужчина.

Вопрос поставил Александру в тупик. Она была ошеломлена всем услышанным, а теперь ей к тому же предлагали принять некое решение. Она нахмурилась, встала и щелкнула кнопкой в основании настольной лампы. Ноябрьское утро было темным, и вместо утреннего света узкую улицу за окном наполняли сумерки цвета толченого графита. На столешницу упал золотой круг. В нем оказались чашка с недопитым черным кофе, банка, где замачивались в растворе кисти, растрепанная пачка бумаг, которую художница безуспешно перерыла этим утром в надежде найти нужную статью. Вся остальная мастерская еще глубже утонула в сумраке, так же как и мысли Александры. Она даже не пыталась отвечать на заданный вопрос. Ее душило глухое возмущение, с трудом оформлявшееся в слова.

«Почему я должна что-то советовать? Почему этим людям всегда нужно, чтобы за них думали и решали? За них воспитывали девочку! Ладно, с этого Сергея спрос невелик, он даже не настоящий отчим Лиды, но ее мать! Она столько обязана сестре, которая полностью освободила ее от забот о дочери, развязала ей руки... И она не хочет искать Надю! Приписывает ей свой собственный эгоизм, считает, что та сбежала от проблем и спряталась от девочки! Нет, правду утверждают: о чем бы человек ни говорил, он всегда говорит только о себе!»

– Так что вы мне посоветуете? – повторил Сергей.

– Простите, – очнулась Александра, – лично вам мне посоветовать нечего. Разве что попробуйте переубедить Анну. Если кто-то и должен искать сестру, то именно она. Я не думаю, что от вас примут заявление в полицию. Там сразу возникнут вопросы... Анна сама должна это понимать!

– Я ведь все это ей говорил и даже почти теми же самыми словами! – оправдывался мужчина. – Но... вы ее знаете?

– Только со слов Нади, – сдержанно ответила Александра.

– Могу себе представить, что она говорила...

– Ничего особенно страшного Надя не говорила, – одернула его художница. – Я сама сделала кое-какие выводы, исходя из того, что мне было известно. Нехорошо осуждать своих ближних, но тут... Трудно удержаться.

– Мне тоже это непонятно, – со вздохом признался Сергей. – Надя полгода как уехала, ни разу не позвонила, о ней ничего не известно, а Аня... Она только отмахивается. Я отлично понимаю, что искать Надю должен не я... Но что же делать, если больше некому?

– Василию, их старшему брату, вы звонили, конечно? – осведомилась Александра.

Она начинала понемногу проникаться участием к этому незнакомому человеку. По всей видимости, Сергей действительно искал свояченицу вовсе не с целью вновь навязать ей на шею мешавшую ему девочку. Выяснилось, что Василию звонили несколько раз, на протяжении всего полугодия, в течение которого отсутствовала Надежда.

– Больше ведь и позвонить было некому! – сообщил Сергей. – Другой родни у них с Аней нет. Есть какие-то очень дальние родственники, где-то в Сибири, но Надя уехала вовсе не туда. С ними и связываться смысла нет. Ходил я на квартиру, где она жила, вы знаете, в Измайлово... Оставлял соседям и консьержке свой телефон. Просил позвонить, если появится Надя или кто-то вдруг поселится в ее квартире. Ведь всякое случается... Ничего, никакого эффекта – она не возвращалась, и никто чужой не появлялся. Квартира с конца апреля стоит запечатая. Я взял у Ани ключи, заходил вовнутрь... Но ничего не трогал, на всякий случай. Вроде все в порядке...

– погодите, – с трудом остановила его словоизлияния Александра. – Вы сказали, что она уехала «не туда», то есть вам известно, куда?

– Известно-то известно, да толку нет! – ответил Сергей. – В апреле, в последних числах, она уехала в Нидерланды, взяла билет в Амстердам. Известно даже, в каком отеле она там сперва остановилась, Надя всегда останавливалась в одном и том же. Я нашел их адрес в Интернете, написал им письмо... Выяснилось, что Надя прожила в отеле ровно столько, на сколько бронировала номер, три дня и три ночи. Все оплачено, нареканий нет.

– Куда же она поехала потом? – Александра растерянно обводила взглядом рабочий стол, словно предметы, в беспорядке разбросанные по столешнице, могли подтолкнуть ее мысли на верный путь.

– Неизвестно... – Голос Сергея прозвучал глухо, тон был усталый. – Ничего больше не известно. У меня очень плохие предчувствия.

К этому моменту художница полностью разделяла все предчувствия и опасения собеседника. Вместе с осознанием всей серьезности ситуации в ней зарождалась ярость, гнетущая и холодная. «В конце апреля! Она пропала в апреле! И они ждали до ноября, сделали только несколько жалких движений, чтобы ее найти! Сходили на квартиру! Поговорили с соседями! Оставили телефон консьержке! Точнее, и это самое ужасное, занимался всем этим вот этот человек, сожитель ее сестры. А не сестра...» Ей вдруг вспомнилось лицо Надежды в момент их последней встречи на аукционе. Приятельница выглядела очень молодо, и даже не благодаря своей детской прическе с хвостиками. Ее молодило безмятежное выражение лица, ясный взгляд, неизменно спокойная реакция на все происходящее. Казалось, никакие внешние бури не могут поколебать ее душевного равновесия. Надежда многим казалась равнодушной, но Александра знала, какие бури и страсти скрываются за этим гладким лбом, крутым, выпуклым и небольшим, как у многих упрямовцев.

«Не делай добра – не получишь зла!» – внезапно заявила тогда Надежда, без всякой связи с предыдущей своей репликой. Ее лицо омрачилось, лоб прорезала длинная тонкая морщина. Женщина как будто напряженно что-то обдумывала, не находя ответа, и фраза вырвалась у нее словно из-под спуда других потаенных мыслей. Александра тогда переспросила ее, надеясь услышать какое-то объяснение, но Надежда отмахнулась: «Это я так, о своем... Не важно!» Но

«это» было важно, очень важно – Александра судила по ее отсутствующему взгляду и горькой интонации, с которой была произнесена фраза. Тогда Александра решила, что Надежда, задумавшись, произнесла вслух то, что думала о поведении старшей сестры. В последнее время характер у Лиды стал резко портиться, и Надежда списывала это на то, что девочка все яснее понимает, насколько она не нужна своей матери. Мать Лиды, со слов Надежды, обвиняла в этой перемене сестру: та-де распустила девчонку.

Но теперь, когда Надежда бесследно исчезла, этим словам, сказанным за месяц до ее отъезда в Амстердам, можно было придать и другой смысл. «Но кому она могла помешать?! – ломала голову Александра. – Враги есть у всех, в нашем деле без них не обойдешься... Кому-то перейдешь дорогу, кому-то сорвешь сделку или выскажешься на экспертизе не в пользу продавца... Или владельца «шедевра» огорчишь, сообщишь ему, что он приобрел новодел за бешенные деньги...» Но она не могла припомнить, чтобы Надежда жаловалась на кого-то или кого-то боялась. Ее исчезновение было необъяснимо и оттого пугало еще больше.

– Я хотел вас попросить об одолжении... – Голос в трубке звучал теперь виновато. – Я ведь первый раз в жизни был в ее квартире в Измайлово да и поехал туда тайком от Ани. Это Лида настаивала и со мной напросилась. Мы с ней вместе осмотрели квартиру, и Лида сказала, что все осталось точно так же, как в тот день, когда Надя увезла ее к матери. На другой день Надя и сама уехала в Амстердам... Но ребенок мог чего-то не заметить, а вот вы... Лида сказала, вы у них бывали несколько раз...

– Вы хотите, чтобы я осмотрела квартиру? – догадалась Александра.

– Именно! – обрадовался Сергей. – Вам что-то может броситься в глаза... Вдруг Надя что-то увезла с собой. Что-то пропало или появилось...

– Послушайте, но это ведь самодеятельность! – сердито одернула его художница. – Полгода назад пропал человек, о нем ничего не известно, явно что-то случилось! А вы приглашаете меня осматривать квартиру и выносить какие-то суждения! Этим должен заниматься следователь!

Но, споря с Сергеем, Александра уже понимала, что сдастся и примет его предложение. Вместе с беспокойством за судьбу старой знакомой она ощущала волнение другого рода. Ее всегда неодолимо притягивала тайна, в чем бы она ни заключалась.

В квартире, где жила с племянницей Надежда, художница последний раз побывала примерно год назад. Тогда, в преддверии новогодних каникул, готовилось сразу несколько крупных аукционов. Надежда мечтала везде успеть, Александра оценивала свои возможности скромнее и планировала посетить только два. Приятельница пригласила ее к себе в гости, в очень загадочных выражениях пообещав некий сюрприз. Сюрприз и в самом деле удался: Надежда посвятила ее в подробности закулисных интриг того аукциона, на который Александра возлагала самые большие надежды. Очень узкой группе людей, среди которых была и Надежда, стало известно, что самый крупный лот на аукционе – современная китайская подделка под старинный французский фаянс.

– Я не могла тебе этого сказать по телефону, ты понимаешь. – Надежда, любуясь изумлением гостя, заваривала чай. – Этой вазой многие интересуются. Надеюсь, ты понимаешь, это закрытая информация.

– Понимаю... – Перед Александрой словно наяву вставал тот лот, о котором шла речь. Это была большая напольная ваза глубокого лазурного цвета, украшенная зелеными виноградными лозами и порхающими крошечными розовыми птичками. Работа была тонкая, модель исполнена с большим вкусом, предмет, судя по основным признакам, старый, а не состаренный. И вот Надежда вынесла свое суждение, а она не ошибалась никогда.

– Я понимаю, что это не предмет для широкого обсуждения, но все же... – Александра колебалась, не решаясь прямо высказать свои чувства. – Эта ваза в своем роде небольшое

событие, и я знаю людей, которые готовы за нее заплатить довольно приличные деньги. Быть может, хотя бы намекнуть кое-кому, что...

– А зачем? – Надежда еще шире распахнула серые выпуклые глаза, неизменно хранившие детское наивное выражение. – Пусть бросают деньги, не мешай людям наслаждаться жизнью. Господи! Да если бы в коллекциях моих знакомых хоть четверть вещей оказалась подлинниками, я бы считала, что им крупно повезло! Ты же знаешь, как сейчас усовершенствовались наши китайские друзья... Просто на глазах выросли! Когда я начинала в девяностых, китайскую подделку было видно с первого взгляда, а теперь все приходится на зуб пробовать и с лупой ползать... Молодцы, ничего не скажешь!

– Но...

– Прекрати! – Надежда остановила слабый порыв гостыи решительным жестом. – Если хочешь заняться благотворительностью, найди более достойный жалости объект!

И ваза ушла на аукционе в первые десять минут, за крупную сумму, в коллекцию очень богатого и не очень разборчивого человека, которого Александра знала и которого ей в самом деле совсем не было жалко...

Попав в квартиру пропавшей приятельницы, Александра долго осматривала две комнаты, хотя их метраж был совсем невелик. Сергей, встретивший ее у подъезда, молча следовал за ней по пятам, к счастью, не задавая вопросов и не мешая сосредоточиться. И все же этот высокий грузный мужчина с заметной одышкой, неуверенным взглядом и лысеющим лбом стеснял Александру. Она предпочла бы, чтобы он держался от нее подальше – от него исходил очень интенсивный аромат цитрусовой парфюмерной воды, от которого художницу едва не мутило. Сама Александра духами не пользовалась и была очень чувствительна к резким запахам. Возможно, именно из-за этого парфюмерного облака она с первой минуты почувствовала неприязнь к Сергею. Он же держался с ней уважительно и даже как будто слегка робел.

Прежде всего художница подошла к старой советской стенке из полированного дерева – такие водились в семьях «со связями» в семидесятых годах. Именно здесь, за потускневшими, никогда не полировавшимися дверцами, Надежда хранила все, что было ей необходимо для работы: альбомы, набитые фотографиями, тетради с заметками, кипы потрепанных блокнотов, вороха бумаг, в которых их обладательница не смогла бы разобраться при всем желании, а выбросить не решалась. Александра распахивала одну дверцу за другой, обводила взглядом полки... Это было дело совершенно бессмысленное – вероятно, даже сама хозяйка всего этого бумажного хлама не смогла бы с первого взгляда определить, все ли на месте.

– Я не вижу, чем могу быть тут полезна! – Завершив осмотр полок, Александра обернулась к сопровождавшему ее мужчине. – Если она что-то и увезла, то мне этого не понять! Трогать я ничего не буду. Прежде всего это ничего не даст. И потом, если вы все же решитесь обратиться в полицию, они будут очень недовольны, что кто-то рылся в бумагах до них!

– Я уже не знаю, что делать! – В голосе Сергея звучало настоящее отчаяние.

Он присел в кресло, накрытое старым клетчатым пледом, и закурил. Поискал взглядом пепельницу, нашел на журнальном столике большую морскую раковину, исполнявшую эту роль, взял ее в руки и тоскливо повертел. – Аня категорически против того, чтобы обращаться в полицию. Хорошо, хоть ключи у меня забыла обратно потребовать, а то бы я и вас сюда не смог привести! Лида молчит. Не разговаривает ни с матерью, ни со мной.

– Надеюсь, со мной она все-таки поговорит... Я хочу знать, как вела себя Надежда накануне отъезда, когда обещала вернуться... Вы девочку об этом расспрашивали?

Сергей с готовностью кивнул, явно радуясь тому, что может ответить на поставленный вопрос:

– Конечно, много раз спрашивал! И Аня тоже... Ничего особенного не происходило. Надя собрала свой обычный чемодан, с каким всегда ездит. Сказала Ане, когда привезла Лиду, что вернется через три дня. Даже и подозрений быть не могло, что она замыслила какой-то

побег, как теперь говорит Аня! Я не был при том, как она прощалась, но и Лида, и Аня говорят, что Надя была спокойна, улыбалась, явно радовалась, что едет...

– Она очень любила Амстердам! – рассеянно кивнула художница. И содрогнулась, осознав, что начала говорить о Надежде в прошедшем времени, как о покойнице – точно так же говорил о ней Сергей.

То, что она услышала, тяжелым камнем легло ей на сердце. Александра изначально не верила в то, что Надя способна забыть долг, который ощущала перед заброшенным ребенком, и исчезнуть, попросту перестав выходить на связь. Ее исчезновение не было запланированным. Полгода молчания производили самое зловещее впечатление. Художница твердо решила добиваться, чтобы семья пропавшей приятельницы обратилась в полицию. Нерешительность Сергея раздражала ее, равнодушие Анны – бесило.

Продолжая осмотр комнаты, Александра перешла к зеркальному серванту, примерному ровеснику стенки. Квартира вместе со всей обстановкой досталась Надежде от умершей в начале девяностых годов бабушки, и она ничего здесь не меняла просто потому, что была равнодушна к комфорту. Это роднило обеих женщин – Александра годами жила в таких ужасных бытовых условиях, что неподготовленные посетители ее мансарды приходили в шок. Ржавые ледяные батареи, близкая железная крыша, раскаленная в жару, веющая лютой стужей в морозы, старая проводка, едва выдерживавшая нагрузку, единственный кран с холодной водой, которая в лучшем случае сочилась тонкой струйкой... Бывая у Надежды, Александра всегда пользовалась случаем и просила разрешения принять душ. Так она и мылась, скитаясь по квартирам и мастерским друзей. Все к этому привыкли, привыкла и она сама – ей уже не казалось чем-то постыдным и странным попросить о подобном одолжении. Пока она принимала душ в гостях у Надежды, та варила кофе. Потом приятельницы располагались с чашками в старых, продавленных, но уютных креслах, и Надежда, указывая на стеклянные дверцы зеркального серванта, рассказывала о своих последних приобретениях, которые там временно хранились. Надежда отлично разбиралась в фаянсе и фарфоре, умела дешево покупать редкости, которые потом выгодно сбывала коллекционерам. Сама она никаких коллекций не собирала.

– Честно говоря, – не раз признавалась приятельница Александре, – мне претит сама мысль о том, чтобы собирать какую-то коллекцию. Разбираться в вещах – да. Зарабатывать на этом надеюсь и впредь. Но посвятить свою жизнь старой рухляди, пусть даже редкой и ценной, – этого я не сделаю никогда!

Александра отлично ее понимала. Она и сама не предавалась страсти коллекционирования. Ее увлекал процесс поиска вещей по чьему-то заказу, манили тайны и трудности, которые встречались на этом пути... И хотя художница давно могла составить себе солидную коллекцию за очень небольшие деньги, ей и в голову не приходило это сделать.

Такие образом, безделушки, старинные и современные, стоявшие на полках в серванте, никогда не задерживались там надолго. Каждый раз, когда Александра приходила в гости, она видела новую разномастную коллекцию, назначенную к перепродаже. «Это масло к моему хлебу!» – говаривала Надежда. Она покупала эти вещишки как будто на бегу, невзначай и так же легко их сбывала с рук, неизменно оставаясь в барыше. Деньги были нужны для содержания взрослеющей племянницы. Сама Надежда тратила на себя немного, одевалась, как и Александра, в старые, поношенные вещи и не привыкла роскошествовать. При всей внешней несхожести женщины были неуловимо похожи. Это их и сближало, монолитной стеной отгораживая от конкуренток – «великосветских» антикварш с последствиями пластических операций на лице, снабжающих Рублево-Успенское и Новорижское шоссе. Их разделяла пропасть. При том, что и те, и другие занимались одним делом и последние часто не уступали в осведомленности первым, это были представители двух очень разных миров.

... Стоя перед сервантом, Александра обводила взглядом предметы на стеклянных полках, потускневших от пыли, которая умудрилась просочиться между створками дверец. Впрочем, это было не удивительно – пыль царствовала в этом доме безраздельно.

– Странно... – произнесла наконец женщина. Сергей торопливо приблизился:

– Вы что-то заметили? Что-то пропало?

– Нет-нет... – Александра вновь и вновь осматривала полки, все больше убеждаясь в том, что не обманывается. – Как раз вещи, похоже, остались на прежних местах. Да, тот же самый набор, который я видела год назад. Будто их ничья рука не касалась!

Сергей недоуменно и вопросительно на нее взглянул, и художница пояснила:

– Понимаете, такие безделушки Надя брала для того, чтобы как можно быстрее перепродать и заработать. Иногда ей везло, и она могла выручить даже очень приличную сумму! Хотя никогда не жадничала. Для нее был важен быстрый оборот. В этом плане она была настоящим бизнесменом! Считала, что вещи не должны залеживаться на месте, нужно немедленно превращать их в деньги. Все, что вы видите на полках, она купила для того, чтобы устроить предновогодний базар – Надя так это называла. Перед большими праздниками можно продать все что угодно!

– И все осталось на месте? – уточнил Сергей. – Она ничего не продала?

– Похоже, ничего... – медленно проговорила Александра.

Она прикрыла веки, пытаясь восстановить в памяти точную картину своего декабрьского визита.

Художница всегда гордилась своей зрительной памятью и умела воссоздавать целые сюжеты из далекого прошлого во всех красках. Затем резко открыла глаза. Картина, которая только что возникла в ее мозгу, ничем не отличалась от той, которая была перед ней. С десяток фарфоровых фигурок на верхней полке. Разрозненные чашки с блюдами на средней. На нижней полке – целый кофейный сервиз, расписанный вручную. Пропавшая хозяйка квартиры возлагала на этот сервиз большие надежды. У нее было сразу несколько покупателей на примете, и ей предстояло проявить недюжинные дипломатические способности, чтобы, предложив сервиз одному, не обидеть тем самым другого.

– Похоже, Надю в прошлом декабре что-то внезапно отвлекло, раз она не продала коллекцию, – продолжала художница. – Судя по всему, более важная сделка. Но то же произошло и в январе, и в феврале, и в марте – ведь там сплошные праздники, фарфор идет на ура. А вот апрель пустой месяц... В апреле она уехала...

Александра умолкла, не нарушал воцарившегося молчания и Сергей. Женщина в молчании осмотрела комнату Лиды, мельком заглянула на кухню... Ее не покидало ощущение, что она занимается чем-то противозаконным, и все тяжелее становилось на сердце. Из этого дома ушла жизнь, ее сменила гнетущая, безнадежная пустота. Александра вновь вернулась в комнату Нади и, остановившись напротив серванта, открыла дверцы. До этого она старалась ни к чему не прикасаться.

– Даже обезьяна с бубном осталась... – пробормотала она, оглядывая скопище фигурок на верхней полке. – А ведь Надя собиралась взять ее покупателю, с которым уже точно договорилась...

– Обезьяна? – Сергей подошел и остановился вплотную к ней так, что женщина задыхалась от резкого запаха его одеколona. – А, вот эта, смешная? Я тоже ее заметил... Мне она больше всех понравилась, хотя я в этом ничего не понимаю. Она ценная? Старинная?

– Совсем не старинная, – покачала головой Александра. – Ей и десяти лет еще нет. Но очень редкая!

Она осторожно сняла с полки маленькую статуэтку, изображающую обезьянку, одетую по европейской моде середины восемнадцатого века. На обезьянке был нежно-зеленый камзол

с кружевным жабо и лиловые панталоны в полоску, до колен. В одной лапе обезьянка держала бубен, другую занесла для удара.

– Эта фигурка была сделана совсем недавно, в две тысячи шестом году, в честь трехсотлетия Мейсенской фарфоровой фабрики. – Художница показала обезьянку Сергею со всех сторон, а затем предъявила знаменитое синее клеймо в виде двух скрещенных мечей на доньшке статуэтки. – Перед нами так называемый двадцать первый музыкант знаменитого «Обезьяньего оркестра», созданного великим мастером в середине восемнадцатого века. «Обезьяна с бубном» создана по эскизу восемнадцатого века современным мастером. Это лимитированная серия, всего триста экземпляров. После того как серия была отлита, форму торжественно разбили в присутствии свидетелей.

И, возвращая статуэтку на полку, Александра со вздохом заключила:

– Конечно, немедленно появились подделки, и немецкие, и чешские, и китайские. Но эта, как говорила Надя, подлинная. Сперва она сомневалась... Но по ряду признаков установила, что это все же настоящий Мейсен. У нее ведь чутье невероятное...

– И сколько стоит такая обезьянка? – Сергей с благоговением следил за тем, как Александра поправляет статуэтку на полке и запирает дверцы серванта на ключ.

– Подлинная – около миллиона рублей. Это если повезет купить подлинную, они все уже давно на руках у коллекционеров. Подделку можно без проблем купить тысяч за двести. Я вам за неделю найду штук десять, с оптовой скидкой. Конечно, уже за несколько шагов будет видно, что это «дебильный Мейсен», как говорила Надя. У поддельных фигурок и форма грубее, и проработка ниже, ну и, глядя на мордочку животного или на человеческое лицо, сразу можно усомниться в подлинности. Выражение, как правило, отсутствует... Сразу ясно, что перед вами – безмозглая штамповка. В настоящем Мейсене заключена некая магия... Волшебство! Именно оно сводит с ума людей и заставляет их швыряться деньгами.

– Вот как... – протянул мужчина. – Мне этого не понять, конечно. Я в искусстве не разбираюсь... У меня небольшой бизнес...

Александра почти не вслушивалась в его слова. Вынув ключ из замка на дверце, она мгновение подержала его на ладони, затем протянула мужчине:

– Обратитесь в полицию, это все, что я могу вам сказать. И помните – в этом серванте находится целое небольшое состояние. Конечно, если сумеет все это правильно реализовать. Я не хочу вас пугать, но кажется, с Надей и правда что-то случилось.

«И возможно, еще в декабре! – добавила она про себя. – Ни одна вещь не продана! Надя бросила заниматься своим обычным делом в самую горячую пору, и этому нет объяснения. Она исчезла, бросив на руки сестре любимую племянницу, и ни разу не дала о себе знать... Непостижимо! Что изменилось в ее жизни? В том случае, если она еще жива, конечно...»

Последняя мысль, которую художница настойчиво от себя гнала и которая возвращалась с назойливостью кошмара. Сергей, взяв ключ, явно упал духом. Казалось, он ожидал другого результата. Внезапно решившись и густо покраснев, мужчина быстро проговорил, глядя в пол:

– Я вам не все рассказал. Один раз Надя все же позвонила... Недавно.

У Александры на губах замерли все вопросы, которые она собралась было задать. Она молча ждала продолжения, чувствуя, что собеседника лучше не торопить.

– Она звонила на домашний телефон, две недели назад, шестнадцатого октября, – глубоко вздохнув, словно набираясь смелости, продолжал Сергей. – Дома была только Аня. Я приехал спустя пару часов, еще забирал Лиду из школы... Аня была сама не своя. Тут же услала Лиду учить уроки, они при этом разругались... Хотя они и так все время ругаются! – Мужчина безнадежно махнул рукой. – Аня не хотела, чтобы дочь слышала наш разговор, даже заставила меня снова одеться и выйти с ней на улицу, якобы в магазин. Сказала, что звонила сестра. Что Надя говорила очень быстро, не давала задавать вопросы, перебивала. Как будто очень торопилась, и вокруг было шумно, какой-то транспорт, стуки, скрипы, голоса...

– Это точно была Надя? – Александра внезапно почувствовала сильное сердцебиение. Глухие частые удары отдавались в горле и в ушах.

– Она, она! – кивнул Сергей. – Аня, конечно, раскричалась, за ней это водится. Упрекала, что та не звонила полгода... Но Надя ее не слушала, а говорила сама. Все, что успела понять Аня, это что Надя пока возвращаться не собирается, что у нее намечается очень крупная сделка. И чтобы мы не беспокоились, успокоили Лиду и не вздумали обращаться в полицию. У нее все в порядке, и шумиха ей не нужна. Вот почему я...

– А где она сейчас? – перебила Александра. – Все еще в Амстердаме?

– Аня спросила, но ответа не получила. Она сказала, что Надя говорила с ней как с пустым местом. Выпала в трубку все, что хотела сообщить, и трубку бросила.

Художница, озадаченная услышанным, нахмурилась:

– Это как-то все странно. Надя всегда слушала собеседника... То, что вы описываете, это не ее манера общаться.

– Прошло полгода с момента ее отъезда, – напомнил Сергей. – Кто знает, как она их провела, с кем? Надя могла сильно измениться. Мне почему-то кажется, она в Москву уже не вернется. Лиде мы ничего, конечно, не сказали о ее звонке... Надя позвонила спустя три дня после ее дня рождения и даже не вспомнила о том, что нужно поздравить девчонку! Даже не попросила позвать ее к телефону! Как мы должны были это объяснять Лиде?

– Да, это тяжело... Но у меня возникает вопрос! – Александра в упор смотрела на собеседника, а тот прятал глаза. – Я понимаю, что от девочки вы все скрыли из лучших побуждений. Но почему вы мне-то сразу не сказали, что она звонила? Зачем эти недомолвки?

Мужчина вздохнул так тяжело, словно пытался сбросить лежащий на груди камень, и поднял на Александру виноватый взгляд:

– Я все ждал, когда вы сами что-то скажете... Думал, вы что-то знаете, не зря ведь Надя о вас упомянула, когда звонила. Это была единственная конкретная вещь...

– Она говорила обо мне?! – Сердце билось в таком бешеном темпе, что Александра в который раз дала себе слово показаться врачу. Впрочем, об этих обещаниях она немедленно забывала, как только сердцебиение налаживалось. – Что именно?!

– Перед тем как бросить трубку, Надя сообщила, что оставила для вас в Амстердаме какое-то письмо. В том отеле, где она останавливалась в конце апреля, у портье. Его отдадут лично вам, больше никому.

– Что за письмо? – Женщина приложила ладони к пылающим от волнения щекам. Собственные пальцы показались ей чужими. – Почему письмо? Она не могла мне позвонить?

– Я знаю только то, что передала мне Аня, – покачал головой Сергей. – Надя больше ничего не прибавила, только назвала ваше имя, фамилию и сказала, что в письме ничего особенно срочного нет. Заберете, когда будете в Амстердаме. Даже телефон ваш Ане не продиктовала, так спешила. Едва попрощалась и трубку бросила. Номер я сам узнал у Лиды... Как только произнес ваше имя, она сразу вас вспомнила! Вот и решил встретиться, поговорить...

Пауза была продолжительной. В квартире было так тихо, что отчетливо слышались голоса соседей за стеной, скрежет ползущего на верхние этажи лифта, глухой рокот мусоропровода. «Надя всегда жаловалась, что дом очень шумный... Мечтала переехать... И вот – уехала в самом деле!»

– Как видите, я была совсем не в курсе ее дел, – произнесла Александра, несколько собравшись с мыслями. – Могу обещать только одно: если буду в Амстердаме, обязательно заберу письмо. А насчет полиции решать только вам с женой. Быть может, и не стоит обращаться, если Надя сама этого не хотела?

Но панически бьющееся сердце говорило ей нечто совсем иное. Оно нашептывало то, что не решался домыслить разум. «Надя оставила письмо потому, что ей срочно нужна моя помощь! И когда сказала, будто там ничего срочного нет, это было сказано не зря! Это нужно

понимать наоборот. Она что-то натворила... Возможно, ошиблась, впервые в жизни... А в нашем деле ошибка может стоить слишком дорого...»

И художница с удивлением услышала собственный голос, спокойно произносящий совершенно неожиданные слова.

– Как раз в декабре я собиралась съездить по делу в Амстердам и заодно навестить друзей, – сказала Александра, застегивая куртку и направляясь к входной двери. – Обещаю сразу вам позвонить, как только прочитаю письмо. Даже если там не будет ничего интересного для вашей семьи.

Обрадованный Сергей предложил дать ей адрес и название отеля, но художница отмахнулась:

– Я отлично знаю, о каком отеле идет речь! Она всегда останавливалась в одном и том же, на Виллем-спарквег. Это он? Тот самый?

И Сергей подтвердил, что отель тот самый.

...Посадка на рейс заканчивалась, у стойки, где проверяли паспорт и посадочные талоны, осталось всего несколько человек. Александра подошла и встала в хвост очереди. Протянув паспорт девушке в форме, она напоследок окинула взглядом летное поле и светящееся небо над ним. Низко над горизонтом влажно сияла и переливалась большая зеленоватая звезда. Александра простилась с ней взглядом, как с хорошим старым другом, перед тем, как ступить в переход, ведущий в салон самолета. Она, как правило, старалась летать первыми утренними рейсами, и если удавалось найти на небе знакомую звезду, художница считала это счастливым предзнаменованием.

Глава 2

Выйдя из здания аэропорта Схипхол, Александра прямо направилась к автобусной остановке. Ей предстоял режим самой строгой экономии, и о том, чтобы выбросить тридцать евро на такси до центра, и речи быть не могло. Тем более она уже не раз добиралась до центра на автобусе за те же полчаса, но поездка стоила в десять раз дешевле. Рейс 197 как раз готовился к отправлению. Александра вскочила в салон, купила билет и уселась, устроив на коленях сумку и отбрасывая со лба растрепавшиеся волосы.

Она так спешила, что даже не успела привести себя в порядок в туалете аэропорта. Диана и Юрий, те самые старые друзья, которые согласились предоставить ей жилье, просили приехать как можно раньше. Уже в десять часов утра они собирались отправиться в дорогу, и в таком случае ключи от квартиры пришлось бы забирать у хозяйки дома, а той могло не оказаться дома в такой час, в будний день. Впрочем, никому из пассажиров утреннего автобуса не было дела до ее внешнего вида. Александра разглядывала свое нечеткое отражение в оконном стекле, одновременно отмечая взглядом пронесившиеся мимо поля, тут и там пересеченные каналами. Она видела собственное заспанное лицо, непослушный вихор на затылке, старую кожаную куртку с побелевшими швами, которую очень кстати откопала среди хлама в своей мастерской накануне отъезда. И в то же время наблюдала за тем, как из жемчужного тумана на горизонте поднимается солнце.

День обещал быть ясным. Поля зеленели, кусты шиповника на обочинах были покрыты белыми и розовыми цветами. Нигде ни клочка снега. Вскоре появились жилые кварталы, застроенные однотипными зданиями блочного типа, без балконов, очень напоминавшими Александре панельные «хрущевки», среди которых прошло ее детство. Эти районы были населены в основном мигрантами, о чем говорили многочисленные вывески на арабском, халяльные универмаги, женщины в хиджабах и стены, расписанные граффити. Впрочем, мирный и скучноватый вид этих однотипных районов был очень далек от печально известных парижских гетто с замурованными окнами и сожженными машинами. Александра невольно содрогнулась, вспомнив свой визит в один из самых «неприкасаемых» пригородов Парижа в прошлом году. Ее ожидала там покупательница, старушка лет девяноста с лишним, которая уже не покидала пределов своей жалкой квартирки, с трудом передвигаясь на ходунках. Старушка готовилась переехать на землю предков, в Израиль, чтобы там умереть на руках у праправнуков, и хотела продать кое-какие семейные реликвии. Художница до сих пор ежилась, вспоминая, какого страху натерпелась, выйдя из станции метро и пробираясь по загаженным улицам среди бетонных однотипных домов. Окна в них были заложены кирпичами или забиты фанерой, мостовая завалена горами мусора, который сбрасывали прямо с верхних этажей, и не всегда в пакетах. На тротуарах коротали время неизвестно в ожидании чего группки молодых парней. Облака сладковатого дыма висели в жарком неподвижном воздухе, смешиваясь с запахом гниющих отходов и выхлопных газов от пролетающих мимо мотоциклов. Дорогу то и дело пересекали разжиревшие крысы, ничуть не боявшиеся людей. Александрю провожали наглые взгляды и циничные возгласы. Мешки с мусором и крысы ждали ее и в подъезде. Лифт не работал. На входной двери под нужным номером были написаны нацистские лозунги. Прежде чем открыть, ей устроили подробный допрос. Александра этому не удивилась и была благодарна уже за то, что ей вообще отперли дверь. Обратного пришлось добираться сквозь те же впечатления – таксисты в этот район ехать отказывались.

«И самое печальное, что ничего стоящего бедная старушка не продавала. – Александра следила за тем, как в окне появляются все более уважаемые районы старой застройки. – Я зря рисковала кошельком и жизнью... Хотя как сказать! Все хорошо, что хорошо кончается. Мы попили чаю, поболтали, и я благополучно вернулась в отель... Из жалости купила у нее

побитый молью плюшевый коврик рыночного изготовления, который в этом же отеле и оставила. Зато обзавелась новым опытом!»

На этот раз ей предстояло жить в самом старинном и престижном районе Амстердама. Ауд Зяуд, или Старый Юг, традиционно населяли коренные жители города. Здесь, в двух шагах от Музейной площади, в нескольких минутах езды на трамвае от Лейдсеплейн и кварталов красных фонарей, царили порядок и умиротворенная тишина. Не было ни толп ошалелых туристов с красными от бессонницы глазами, ни стай сумасшедших велосипедистов, ни витрин с девушками, ожидающими клиентов. Если и встречался кофешоп, то он благонаравно прятался в переулке, между кондитерским магазином и общественной прачечной, и его единственная узенькая витрина была скромно задернута занавеской. По ночам здесь было тихо. Ауд Зяуд рано ложился спать и рано просыпался. Александра была рада, что вновь увидит этот безмятежный, спокойный район на границе с великолепным парком Вондела.

Наконец автобус остановился рядом с Концертхоллом, фасадом выходящим на Музейную площадь. Александра поспешила сойти. Углубившись в переулки за Концерт-холлом, она двинулась в самое сердце района, стараясь забирать правее, чтобы выйти к парку, на границе с которым жили ее друзья.

Было всего девять часов утра. Булочные и кондитерские уже открылись, и художница, не удержавшись, заглянула в маленький магазинчик на Корнелис Шутстраат. Там она попросила чашку кофе с молоком и шоколадное пирожное. Улыбающаяся румяная девушка в черном переднике до пола вышла из-за миниатюрного прилавка и, пожелав доброго утра, поставила на столик перед Александрой ее завтрак.

За соседним столиком (всего в этом заведении помещалось два стола) пил кофе старичок с лохматой беспородной собачкой на руках. На его плечах мешком висело пальто, которое старичок, вероятно, носил в далекой юности, годах в сороковых прошлого века. Александра улыбнулась собачке и ее хозяину, те приветствовали ее в ответ: мужчина – улыбкой, собачка – оживленным мельтешением хвоста. Кофе оказался крепким, а пирожное очень свежим, еще теплым. Шоколадный крем на миг погрузил Александру в блаженную немоту и помещал сразу ответить на вопрос, который задал старичок, слышавший, как она делала заказ по-английски. Голландцы, по мнению художницы, вообще держали пальму первенства по любопытству среди европейцев. Нигде ей так часто не приходилось болтать на личные темы с незнакомыми людьми, как в Нидерландах, где это считается в порядке вещей.

– Я из России, из Москвы, – ответила она, проглотив кусок пирожного.

– Отдыхаете? – осведомился старичок, почесывая узловатыми пальцами шерсть на загривке у собачки. Пес морщился от удовольствия и тихонько, деликатно чихал. – Гуляете?

– К сожалению, нет... работаю! – улыбнулась женщина.

– Да, сейчас не погуляешь! – Старичок, которому явно хотелось поговорить, зябко повел плечами. – Очень холодно!

Александра с изумлением взглянула через витринное стекло на улицу, где сияло солнце и колыхались на ветру желтые ирисы, высаженные в клумбы. Рядом с клумбами лежали сложенные в штабель елочки, укутанные в сетчатые мешки. Готовился рождественский базар. Этим утром в Амстердаме было двенадцать градусов выше нуля по Цельсию.

– Холодно – в Москве! – засмеялась женщина. – Сегодня ночью было минус пятнадцать! А бывает и минус двадцать пять!

Девушка за прилавком, полировавшая полотенцем серебряное блюдо для конфет, издала изумленный возглас. Это также было очень по-голландски: не считалось зазорным показать, что слушаешь чужой разговор.

– Как же вы на улицу выходите? – с юмористическим ужасом осведомился старичок.

– Мы, конечно, боимся... – в тон ему, с деланным раздумьем проговорила Александра. – А потом все-таки выходим!

Она взглянула на бронзовый циферблат старых настенных часов, заключенных в неуклюжий футляр красного дерева, и торопливо поднялась из-за стола. Попрощавшись со старичком и девушкой, художница перекинула через плечо ремень сумки и вышла на улицу. Свернув за угол, Александра оказалась на Виллемспарквег. Улица, посреди которой пролегали трамвайные пути, шла вдоль парка и за перекрестком превращалась в извилистую, узкую Конингслаан.

Хотя эта улица и носила громкое имя Королевского проспекта, она представляла собой очень тихое, неизвестное туристам место. По краям мостовой стояли старинные двух-трехэтажные кирпичные виллы, окруженные крошечными садиками. Даже в декабре за коваными оградками можно было увидеть цветы, самые выносливые и неприхотливые. Одной стороной улица вплотную примыкала к парку, задние окна домов смотрели на обводной канал и на просторные лужайки, окруженные облетевшими деревьями. Именно здесь и жили друзья Александры.

Она увидела их издали – Диана с мужем стояли рядом со своей машиной и грузили коробки в открытый багажник. Александра издала приветственный возглас и помахала. Диана и Юрий выпрямились одновременно, слегка стукнувшись лбами и расхохотавшись. Они были неуловимо похожи, как становятся похожи супруги, долгие годы прожившие вместе в мире и согласии, имеющие общие вкусы и привычки. Высокие, крупные, со светлыми, коротко остриженными волосами – муж и жена больше напоминали брата и сестру.

– Хорошо, что ты нас застала! – Диана пошла навстречу приятельнице, все еще прижимая ладонь к ушибленному лбу. Женщины расцеловались. – Мы решили выехать на полчаса раньше. Я только что собиралась отнести ключи Лиз, а она намылилась на пробежку...

Лиз де Бак, с которой Александра однажды мельком видалась и беседовала, была хозяйкой виллы, где снимали квартиру Диана и Юрий. Этой представительнице старой голландской купеческой аристократии, очень гордившейся своим происхождением, считалось пятьдесят с небольшим – во всяком случае, на такой возраст она выглядела. Лиз недавно похоронила супруга, который был старше ее лет на тридцать. Детей у пары не имелось, и после смерти мужа вдова занимала лишь первый этаж, оставив за собой исключительное право пользоваться садиком на задках дома. Второй этаж виллы был разделен на четыре скромных квартир-студии. Все квартиры сдавались на длительный срок, от двух месяцев. Третий этаж полностью занимали Диана и Юрий. Они снимали также и чердак, на котором Диана оборудовала гончарную мастерскую. В целом это был очень respectable дом, хотя в нем и сдавалось внаем жилье.

– Мы уже предупредили Лиз, что ты поживешь у нас какое-то время. – Юрий, захлопнув крышку багажника, также подошел поприветствовать гостью. – Она вспомнила тебя и не против. Ты ее условия знаешь – никаких вечеринок, не шуметь по ночам, не курить на лестнице, не швырять бутылки из окон...

– Мне, конечно, будет трудно отказаться от всех этих привычных удовольствий... – Александра сердечно обняла старого приятеля. – Но я постараюсь вести себя хорошо: пустые бутылки сдавать в супермаркетах, а чеки жертвовать на благотворительность. Как я вам завидую – впереди Италия! Надолго? Что конкретно будете делать?

– Реставрируем фрески и лепнину в одном особняке, который пойдет на продажу... Хотя я бы не стала рисковать – судя по фотографиям, там все еле держится, включая сами стены! Одно тронешь, другое посыплется... – Диана подтянула рукав куртки и с тихим возгласом взглянула на часы. – Ох, пора ехать! Месяца на два как минимум мы исчезнем. Можешь тут остаться хоть до весны.

– Визы не хватит, да и...

Александра запнулась. Ей вовсе не хотелось посвящать друзей в детали своей поездки, тем более что они не были знакомы с Надеждой. Кроме того, после перелета, когда Александра оказалась лицом к лицу с действительностью, все планы, которые художница строила последние недели, представлялись ей провальными. Надежда была жива и просила о ней не беспоко-

иться. Она планировала некую важную сделку. В ее равнодушии к прежней жизни не было, в сущности, ничего из ряда вон выходящего. Александре были известны случаи, когда люди, уезжавшие из дома надолго и резко меняющие обстановку, теряли всякий интерес к тому, без чего раньше себя не мыслили. «С глаз долой – из сердца вон! – сказала себе Александра, следя за тем, как Юрий выносит из особняка последнюю картонную коробку и устанавливает ее на заднем сиденье машины. – В конце концов, человек может просто устать. Да и Сергей мог далеко не все мне рассказать. Кто знает, что там у них произошло... Вот скрывал же он до последнего момента, что Надя звонила в октябре! Мог скрыть и что-то еще!»

– Даже кофе не успели выпить! – с сожалением проговорила Диана, передавая ключи гостю. – Когда будешь уезжать, отдай ключи Лиз. Да, я тебя не спросила, ты-то в Амстердам по работе?

– По личному делу, – уклончиво ответила Александра.

– Рада за тебя! – несколько невпопад ответила приятельница. Было заметно, что мыслями она уже очень далеко. – Но на День Святого Николая ты все-таки останешься? Смотри, не пропусти, когда на Дамрак привезут елку!

Спустя минуту художница уже махала вслед удалявшейся машине. У входа в парк автомобиль свернул налево и скрылся из виду. Александра подбросила на ладони ключи. Она приняла решение немедленно зайти в отель, где Надежда оставила ей письмо. Отель находился в нескольких минутах ходьбы, неподалеку от той крошечной кондитерской, где она завтракала. Направляясь к вилле на Конингслаан, Александра прошла мимо его подъезда, но решила не задерживаться, чтобы не разминуться с друзьями. Теперь спешить было некуда. Она развернулась и медленно, с наслаждением вдыхая влажный утренний воздух, направилась в обратный путь, в сторону Виллемспарквег.

Это был скромный трехзвездочный отель, без флага над входом, без навеса у подъезда, с крошечной латунной табличкой над кнопкой звонка. Он занимал здание довоенной постройки, и серый фасад с огромными окнами ничем не отличался от таких же фасадов слева и справа. У входа в деревянной бочке дрожал на ветру молоденький кустик букса. На одной из веточек поблескивал красный шарик с бантиком – предвестник близких рождественских праздников. Александра потянула на себя тяжелую дверь и вошла в тесный холл, застеленный красным ковром. Почти немедленно за входной дверью начиналась крутая лестница с узкими ступеньками, также покрытая ковром, прижатым к ступеням латунными прутьями. Александра поднялась по ней и оказалась в гостиной, где располагалась стойка портье.

В этот утренний час в гостиной было многолюдно. Обстановка напоминала семейное кафе с артистическим уклоном. Несколько столиков, за которыми завтракали постояльцы, картины современных художников на стенах, многочисленные горшки с цветами, маленькие собачки, азартно играющие с мячиком на ковре... Окна, выходящие на улицу и во внутренний двор, как почти везде в Амстердаме, представляли собой скорее витрины. То, почему в домах старой постройки проектировались окна такого гигантского размера, становилось понятно при первом же взгляде на крутые узкие лестницы, по которым невозможно было поднять ни мебель, ни в случае необходимости большого на носилках или гроб. Доставка подобных грузов осуществлялась с помощью наружной лебедки, украшавшей фасад здания на коньке крыши. Такая же лебедка торчала и на кровле отеля. Лифта здесь не было. Комнаты, по отзывам Надежды, отличались спартанской обстановкой и крошечными размерами. Правда, по цене хостела постоялец получал отдельный номер и собственный санузел с душем. Это был во всех смыслах старый отель с чисто голландским пониманием комфорта, который заключается в удобной постели, льняном белье, дружелюбном отношении и умеренной цене. Роскоши здесь не было и в помине. Надежда от души рекомендовала его всем московским знакомым, в том числе и Александре. Правда, художница ни разу здесь не останавливалась, но всегда отмечала взглядом вывеску, если проходила мимо.

Александра подошла к стойке, за которой возился у кофемашины молодой человек. Когда он обернулся, женщина поздоровалась, сообщила, по какому поводу пришла, и чтобы удостовериться свою личность, предъявила заграничный паспорт. Портье вытащил из-под стойки картонную коробку и перебрал лежавшие в ней бумаги.

– Да, вам есть письмо! – Он положил перед Александрой конверт. – Вот, пожалуйста!

Александра взяла запечатанный конверт, оказавшийся таким легким, словно внутри ничего не было. На нем были написаны ее имя и фамилия – латинскими печатными буквами, очень крупно. Она чувствовала смутный страх перед этим невесомым конвертом, хотя причин для этого не было после того, как Надежда позвонила домой в октябре. «Я сделала глупость!» – в который раз подумала Александра, глядя, как портье относит чашку кофе пожилой даме за столиком у окна.

– Скажите, когда оставили письмо? Давно? Недавно? – спросила Александра, когда молодой человек вернулся за стойку. – Это можно узнать?

Оказалось, парень – новичок, работает в отеле второй месяц да и приходит всего на несколько часов в день.

– При мне письмо точно не оставляли... – Портье вытянул шею, разглядывая через стеклянную дверь спускавшегося по лестнице постояльца. Они обменялись приветственным кивками, после чего парень вновь повернулся к Александре: – Если вы зайдете вечером, после шести, здесь будет сама хозяйка. Она точно все знает. Не желаете чашку кофе? Может быть, чаю? Это бесплатно, мы угощаем всех наших друзей!

И хотя фраза была дежурной, полагавшейся по должности, улыбался молодой человек очень искренне.

Александра поблагодарила, попросила кофе и прошла к столику у окна, который как раз освободился. Супружеская пара средних лет, разговаривая по-немецки, навьючивала друг на друга рюкзаки, готовясь к выходу в город. Художница едва разминулась с ними, протискиваясь в тесный угол. Она вежливо рассмеялась, когда со второй попытки им удалось разойтись. Но никакого веселья Александра не ощущала. Легкий конверт жег ей пальцы. Именно для того, чтобы его вскрыть, она и приехала на последние деньги в Амстердам. Ее никто не звал на помощь, ей нечего было рассчитывать здесь на верный заработок. Более того – в Москве остались несданные заказы, отменилось ее участие в одном перспективном аукционе. Нужно было срочно, и уже окончательно, определиться с тем, куда перевозить вещи из мастерской. Александра очень боялась, что, возвратясь домой, найдет лишь груды строительного мусора, раздавленного гусеницами бульдозера. Этот кошмар снился ей уже не раз, и просыпаясь, она долго не могла прийти в себя от щемящего чувства грядущей бездомности.

И вот все эти реальные проблемы, требовавшие неотложных действий и решений, перевесил один тоненький конверт, в котором на ощупь ничего и не было. Александра уселась, положив конверт перед собой, и стала смотреть в окно, за которым зябло на ветру старое узловатое дерево, искривленное, словно страдающее ревматизмом. Погода, как всегда в Амстердаме, внезапно испортилась – ясное спозаранку небо мгновенно затянули темно-серые тучи. Собирался не то дождь, не то снег, не то все сразу.

Портье поставил на столик чашку черного кофе, и Александра сделала первый, обжигающий глоток. Тянуть дальше было невозможно. Она взяла конверт, осторожно надорвала его и убедилась, что внутри все-таки вложен лист бумаги.

Там оказался изрядно измятый лист бумаги. Александра поспешно развернула его. Письмо заключалось в одной надписи, сделанной по-русски, в самом верху листа, как заголовок, крупными, далеко расставленными друг от друга печатными буквами.

«ОТЕЛЬ «ТОЛЕДО», № 103 А».

И это было все. Ни обращения, ни подписи, никаких объяснений. У женщины сильно закружилась голова, и виной тому был вовсе не хронический недосып. Она испытала настоящее потрясение, прочитав короткое послание, лишенное каких бы то ни было эмоций. «Отель «Тоledo»... Впервые слышу такое название! Этот ведь называется совсем иначе! И это все, что Надя хотела мне передать?!»

Рядом громко смеялись туристы, взобравшиеся по крутой лестнице с огромными чемоданами. Они сгрудились у стойки портье и болтали с ним, пока парень отыскивал их бронирование в базе данных. До Александры донеслось несколько упоминаний о Святом Николае и о елке на площади Дам, и она поняла, что туристы приехали в Амстердам в основном ради этого праздника. Сама художница знала о нем лишь понаслышке. Диана как-то рассказывала ей, что накануне пятого и шестого декабря просто разоряется на подарках. Подарить можно пустячок, марципанового поросенка или шоколадную лошадку, но подарок на День святого Николая обязательно должен быть, иначе знакомые, соседи и коллеги не поймут и обидятся. Александра в два глотка допила кофе. Посидела несколько секунд с закрытыми глазами, стараясь сосредоточиться. Вновь перечитала записку и, встав, направилась к стойке портье.

Дождавшись, когда туристы получают ключи-карточки от номеров, она обратилась к парню в полосатой рубашке:

– Простите, вы не подскажете, где в Амстердаме находится отель «Тоledo»? Отель или hostel, не знаю точно...

Портье с готовностью вбил название в поисковик компьютера. Дождавшись результатов, сощурился, пробегая взглядом экран:

– В Амстердаме такого отеля нет... Здесь выпадают другие города. Может быть, это Римини? Амман? Неаполь?

– Нет... – Неприятно удивленная, Александра нащупала конверт в кармане куртки, словно опасаясь, что он оттуда улетучился. – Я так не думаю.

Скорее всего, отель находится в Амстердаме или где-то неподалеку.

– Тут есть еще другие города... – Портье несколько раз щелкнул «мышкой», листая страницы. – Даже не слышал про некоторые. Но в Амстердаме такого отеля нет. И в Нидерландах нет. А вы попробуйте вечером спросить у хозяйки, она может знать!

Оставалось только уйти. Александра поблагодарила портье, попрощалась и вышла на улицу.

Амстердам в декабре зачаровывал. Это было очарование такое же зыбкое, как отражение тесно стоящих домов в черных водах каналов, и такое же переменчивое, как погода в начале мягкой зимы. На ветру металась в клумбах цветы, последние, стойкие цветы ушедшей осени, сизые тучи обещали долгий тоскливый дождь... И внезапно, в считанные минуты, все менялось – солнце обливало рыжей глазурью блестящие после недавнего дождя мостовые, в просветлевших каналах отражалось синее глубокое небо, и особенно сладко пахло имбирем и ванилью из крошечной булочной, в витрине которой виднелись незамысловато расставленные противни с пряничными лошадками.

Александра засмотрелась на витрину и едва не пропустила показавшийся в конце улицы трамвай. Она едва успела подбежать к остановке. Это был ее любимый маршрут № 2. Он пересекал весь Амстердам, начиная свой путь у Центральной станции и заканчивая его час спустя далеко в полях, у ветряной мельницы. Возле нее Александра как-то, года два назад, просидела целый вечер, расстелив на траве плащ и следя за тем, как небо меняет цвет и глубину, медленно наполняясь закатными красками, янтарными и розовыми, как прозрачный голубоватый бокал

– молодым вином. Тогда стояла поздняя весна. От молодой травы, растертой между ладонями, исходил терпкий горьковатый запах, тревожащий сердце, как воспоминания о всех прошедших веснах, которые обещали так много, но обещаний не сдержали. Это место, несмотря на его обитаемость, обладало печальной магией пустынных плоских полей, залитых водой, блестящей тут и там в дренажных канавах. Красота Нидерландов была неяркой, словно прелесть бледного, заплаканного лица, влажно мерцающих глаз, загадочных и глубоких. Александра тогда едва нашла в себе силы встать, отряхнуть отсыревший плащ и уйти.

Но сейчас она вскочила в трамвай, идущий в другую сторону. Ее целью был Де Лоир, знаменитый антикварный крытый рынок-пассаж, в самом сердце города, занимающий почти целый квартал между двумя каналами: Лоирсграхт и Эландсграхт. Там, в тепле и тишине, можно было бродить часами, и там содержала магазин ее знакомая, бывшая москвичка, уехавшая в Голландию еще в начале девяностых. Александра решила навестить ее, а кроме того, рассчитывала отыскать в лабиринтах рынка что-то для перепродажи в Москве. Правда, она вовсе не соскучилась по Варваре – так звали обладательницу магазина. Бывая на этом рынке, Александра всегда стремилась найти обходные пути, чтобы боковыми коридорами пройти мимо ее участка. Но сейчас у художницы была конкретная цель: хоть что-то узнать о пропавшей приятельнице.

«Если Надя с конца апреля и по сей день остается в Амстердаме, да притом совершает некие сделки, она не могла ни разу не заглянуть на Де Лоир, – раздумывала она, усевшись у окна и глядя, как за стеклом тянутся respectable улицы Старого Юга. – Это уж точно! К счастью, как раз сегодня рынок работает. Зайду к Варваре, потом поброжу, вдруг что высмотрю. Бывают ведь всякие чудеса! А к шести вернусь в отель, поговорю с хозяйкой. Здесь что-то не то... Не то! Особенно с днем рождения Лиды. Не может быть, чтобы Надя об этом забыла. Что-то случилось. Она не зря меня позвала!»

Глядя в окно, художница вспоминала свой разговор с девочкой – перед самым отъездом она все-таки встретилась с Лидой, хотя та изобретала разные предлоги, чтобы увильнуть от встречи. Лиду в мастерскую привез Сергей.

...Стоя посреди огромной захлавленной мастерской, гости оглядывались со смущенным и ошеломленным видом. Впрочем, ошеломлен был только мужчина. Девочка смотрела вокруг с нескрываемым восторгом и любопытством.

– Я еду в Амстердам, – сообщила ей Александра, изо всех сил стараясь не сбиться на покровительственный тон. По рассказам приятельницы, она знала, что у девочки наступил период, когда она начала усиленно огрызаться, отстаивая свои «взрослые» права. – Если повезет, увижу твою тетю. Но это еще не наверняка...

На востроносом, веснушчатом лице любопытство сменилось угрюмым упрямством. Девочка вздернула тощие плечи в знак того, что затронутая тема ее нимало не касается. Было ясно, что она очень обижена на тетку, о чем художницу предупреждал и Сергей.

– Если я ее увижу, что-нибудь передать? – продолжала Александра.

– Не надо. – Девочка отошла к стене, делая вид, что ее заинтересовали развешанные там картины.

Интересного, по мнению Александры, там ничего не было – несколько заурядных пейзажей и натюрмортов, ожидавших реставрации, да одна маленькая батальная сцена, где очень нарядные всадники в красных и синих мундирах сражались на очень длинных пиках посреди очень снежного поля. И лошади, и всадники были написаны в таких невозможных, вывернутых ракурсах, что, будь они живыми, их мышцы и связки разорвало бы на куски. Сама Александра смотрела на эту картину с омерзением, владелец же очень гордился полотном.

– Извини... – Художница сделала знак Сергею, чтобы тот не вмешивался, и, подойдя к девочке, остановилась рядом с ней. – Я знаю, что твоя тетя уже полгода тебе не звонила, но у нее наверняка непростые обстоятельства...

– С днем рождения она могла бы меня поздравить! – резко ответила Лида, упорно не сводя взгляда с батальной сцены.

– Это и доказывает, что у нее сейчас сложные обстоятельства, – с мягким нажимом проговорила Александра. – Если бы она могла, то обязательно бы позвонила!

Октябрьский звонок Надежды по-прежнему хранили в тайне от девочки.

– Я постараюсь ее найти, а ты... – Александра положила руку на плечо девочки, но Лида тут же сделала шаг влево, словно случайно, и ладонь женщины встретила пустоту. – Ты не могла бы мне сказать, что тетя собиралась делать в Амстердаме? С кем встречаться? Может быть, она при тебе говорила по телефону об этом?

Лида, по-прежнему разглядывавшая батальную сцену, отрицательно покачала головой:

– Нет, ничего не говорила. Сказала мне, что у нее дела и она через три дня вернется.

– А почему она не продала фарфор из серванта, как собиралась сделать перед Новым годом? – осторожно поинтересовалась художница, не терявшая надежды отыскать хоть какую-то зацепку.

– У нее не было времени... – Лида наконец повернула голову, и женщина увидела в ее глазах слезы. – Она все куда-то ездила, я даже несколько раз ночевала одна. Она даже обезьяну не стала продавать. Упаковала вечером, чтобы на другой день отвезти покупателю, а когда я назавтра проснулась, вижу – обезьяна опять стоит на полке.

– А почему тетя за ночь передумала продавать обезьяну? – насторожилась Александра. Она знала, что Надежда очень рассчитывала на прибыль от этой сделки.

– Я тоже спросила, и тетя сказала, что статуэтка оказалась поддельная, – хмуро ответила девочка. – А вот эта картина, – она неожиданно ткнула пальцем в сторону так интересовавшего ее полотна, – настоящая?

– Настоящая картина девятнадцатого века, – улыбаясь, ответила художница. – Написана настоящим маслом на подлинном холсте. Как по-твоему, Лида, она плохая или хорошая?

– По-моему, очень плохая! – решительно ответила девочка. – У этой вот белой лошади сейчас зад отвалится! И вообще, таких длинных лошадей не бывает!

– У тебя отличный глазомер! – похвалила ее художница.

...И это были все плоды разговора, на который так рассчитывала Александра. «Ни одной нити, за которую можно потянуть!» Трамвай подъезжал к Лейдесплейн, здесь нужно было выходить. Александра поднялась с диванчика и направилась к дверям, вытаскивая из кармана билет, чтобы приложить его к детектору на выходе. «Ничего! «Отель «Тоledo», номер 103 А!» А такого отеля ни в Амстердаме, ни в Нидерландах нет!»

Она сошла и несколько минут стояла на площади, с невольной улыбкой следя за тем, как развлекаются местные жители и туристы, катаясь на крошечном катке, залитом в честь близящихся праздников. Катались кто во что горазд – кто на коньках, взятых напрокат, кто прямо на подошвах. Неопытные конькобежцы толкали перед собой пластиковых оранжевых тюленей, которые служили им опорой – впрочем, ненадежной, потому что то и дело кто-нибудь падал, сбивая с ног соседей. Слышались визг, смех, играла музыка из динамиков. В углу маленькой площади мигала огоньками наряженная елка. Нехитрое развлечение доставляло посетителям катка массу удовольствия – впрочем, Александра давно заметила, что голландцы умеют от души радоваться мелочам.

«Да, но что же я... Время идет! – опомнилась она, взглянув на часы. – До шести я на Де Лоир, потом – в отель... А утром, быть может, придется ехать в аэропорт, искать горящий билет подешевле, пересадками этак с двумя... Если ничего не узнаю, конечно!» У нее оставалось все меньше иллюзий насчет успешности своей поездки. Письмо, на которое Александра так рассчитывала, которое не смогла игнорировать, оказалось загадкой без отгадки. И теперь художнице казалось, что она с самого начала, узнав о письме, хотела приехать в Амстердам вовсе не затем, чтобы найти приятельницу и помочь ей, а затем, чтобы убежать, хоть на пару

дней, от своих собственных, нерешаемых проблем. В последний раз взглянув на каток, Александра пересекла трамвайные пути и двинулась в сторону Марнихстраат. Эта улица должна была привести ее к знаменитому на всю Европу рынку антикваров.

Глава 3

Теплый воздух пассажа коснулся обветренных щек, как ласковая рука. Закрыв за собой дверь, Александра разом оказалась в диковинном, запутанном мирке, похожим на лавочку Овцы в Зазеркалье, где Алиса так и не смогла ничего купить. Вдаль уходил коридор, казавшийся бесконечным из-за стеклянных витрин, наполненных разнообразными вещами, задрапированных тканями. Вправо и влево тянулись такие же коридоры, наполненные сокровищами, старинными и не очень, настоящими и поддельными, ценными и грошовыми, нужными и бесполезными.

У непривычного человека от такого разнообразия голова пошла бы кругом. Александра мгновенно ощутила себя в родной стихии, как пианист за роялем или охотник в чаще леса. Сердце сладко сжалось, ладони похолодели. Однажды, бродя по подобному рынку вместе с приятелем, старым и очень известным московским коллекционером, она услышала его замечание в свой адрес, полушутливое-полусерьезное. «У тебя совершенно меняется лицо, когда ты смотришь на весь этот хлам, Саша! – сказал Александре антиквар Эрдель, едва поспевающий за ней. – Глаза блестят, как будто ты влюблена до помешательства и идешь на свидание. Такие люди, как ты, обречены оставаться одинокими...» Тогда она отшутилась: «Что вы, Евгений Игоревич! Все еще печальнее... Я не влюбляюсь даже в вещи!» Теперь же, вспомнив слова старого друга, художница кивнула собственному отражению в старинном зеркале, стоявшем на перекрестке торговых рядов. «Так и есть, Эрдель прав! Это и есть моя любовь, моя жизнь – хлам, подделки подделок, отражения отражений. Это случилось само собой, постепенно... Когда-то я мечтала о простом счастье, о семье, но теперь не могу даже представить, кого еще смогу полюбить...»

В застекленных витринах поблизости от входа в пассаж, между которыми неторопливо двигалась женщина, в основном теснился ширпотреб, рассчитанный на случайно заскочившего туриста. Преобладал английский голубой бисквит – вазочки, сахарницы и чашки, украшенные белыми накладными фигурками и орнаментами в античном стиле, приятные для глаза, уместные в любом интерьере. Они стоили не слишком дорого, изготовлялись массово и шли, как правило, на ура. Встречался костяной фарфор, такого же массового уровня, но неплохого качества. Александра скользнула взглядом по одному тонко исполненному букетику из маргариток и васильков. Лепестки были выделаны с такой живостью, что казались покрытыми росой. Правда, цена на букетик стояла предельно высокая, что исключало возможность перепродать его в Москве.

«И все здесь так! – размышляла Александра, проходя мимо бесконечных фарфоровых выставок, витрин с восточными вазами, китайскими резными шкафчиками, корейским расписным металлом. – Все давно взвешено, оценено и разделено. «Мене, текел, упарсин», как на той огненной надписи, которую увидел на стене дворца пирующий царь Валтасар. Дураков тут не водится, а на умных не зарабатываешь!»

Коридор, где выставлялись старинные игрушки, Александра миновала, даже не особенно вглядываясь в фарфоровые лица роскошно одетых кукол. В последнее время спрос на них сильно упал, а обременять себя таким громоздким багажом из-за ничтожной прибыли она не могла.

После игрушек началась винтажная одежда. Груды, вороха, целые кипы вещей разной степени сохранности простирались вправо и влево. Здесь она впервые увидела людей – несколько женщин перебирали старинное белье, отороченное пожелтевшими кружевами, такими легкими, что казалось, они вот-вот растворятся между теребящими их пальцами.

Кружева внезапно сменились большой лавкой с церковной утварью. Здесь Александра задержалась, разглядывая огромное, ростовое черное распятие из эбенового дерева, прики-

дывая про себя, может ли дерево быть настоящим. Фигура Христа из пожелтевшей слоновой кости, со сколами и трещинами, была подлинной, вне всяких сомнений – об этом можно было судить как раз по характеру сколов, исключавших подделку из пластика. Здесь было выставлено множество церковной утвари: резных поставцов с дверцами, инкрустированными эмалью, алтарных шкафчиков для одеяний с вызолоченными навершиями в виде крестов. Сами одеяния были выставлены отдельно, на безголовых манекенах. В этом отделе слабо пахло ладаном – то ли запах исходил от парчовых тканей, пропитавшихся ими за многие годы, то ли был плодом воображения художницы. Пол в отделе покрывал истертый до дыр пыльный ковер, полностью скрадывающий звук шагов. Продавец, сидевший в глубине лавки, за маленьким столиком, освещенным лампой, читал книгу, то и дело поправляя очки. Его сутулая спина, кроткое бледное лицо и робкий вопросительный взгляд, который он бросил на женщину, также напомнили Александре о церкви. Этот отдел был странной маленькой часовней, устроенной среди кукол и розовых корсетов, китайских ваз и японских мечей, чайной посуды, серебра, драпировок и патефонов с начищенными медными раструбами в виде гигантских цветков петунии, часовней, устроенной в память об умершем прошлом. Продавец вздохнул, вновь поправил очки и склонился над книгой. Художница прошла мимо, еще раз глубоко втянув ноздрями слабый запах ладана, кажущийся или настоящий. «Болезни, страсти, страхи – чаще всего мы придумываем их себе сами!» – размышляла женщина, неторопливо переходя из коридора в коридор. Ей доставляло особенное удовольствие сделать перед самой собой вид, что заблудилась, хотя Александра отлично представляла, в каком направлении двигается. «И придуманные чувства ничуть не хуже настоящих...» – заключила она про себя, рассматривая полки, где вперемешку теснились разномастные подсвечники, рамки для фотографий, кольца для салфеток – все латунное или накладного серебра. Покупать здесь было решительно нечего – ценами рынок ее не радовал.

Как обычно на Де Лоир, небольшие отделы переместились, некоторые были закрыты или вовсе исчезли, и теперь Александра не была уверена, что именно увидит дальше. Отдел часов, куда она решила непременно вернуться, чтобы поздороваться со своим знакомым антикваром, коренным обитателем Амстердама, оказался на прежнем месте, но был временно заперт. Владелец обещал вернуться через час, о чем сообщала табличка. Александра взглянула на многочисленные циферблаты, украшавшие его витрину, потом на собственные часы с оторванным ремешком, которые всегда носила в кармане. Подвела стрелки. «Скоро полдень, а я ничего не купила для Москвы, ничего не узнала... Делать нечего, нужно идти к Варваре...»

Но она схитрила, свернув в отдел живописи, который удлинил ее путь примерно на сотню метров. Здесь ее встретил неизбежный набор полотен приблизительно одного уровня. «А возможно, вышедших из одной и той же мастерской!» – заметила про себя Александра, бегло оглядывая картины. Она не ожидала встретить ничего исключительного и не обманулась: все было как всегда. Натюрморты, пейзажи, батальные сцены, среди которых преобладали «марины», с участием парусных кораблей. То была академическая живопись, которую с закрытыми глазами без труда может штамповать любой выпускник Академии художеств, набивший руку на копистике и в натуральных классах. При условии подлинности и настоящего возраста, совпадающего с датировкой, эти полотна стоили относительно дорого и все же не могли считаться надежным вложением капитала, так как никогда сильно не дорожали. Впрочем, как и не дешевели – на них неизменно был высокий спрос. Глаз Александры воспринимал этот род картин просто как пятна на стенах, когда она видела их в интерьерах домов, где ей случалось бывать.

В том же случае (а этих случаев было большинство), когда картина изготавливалась «на днях», искусственно старилась и снабжалась подписью «солидного» автора третьего круга, цена ее равнялась стоимости материалов, а также рамки. Стоя перед очередным таким «шедевром», изображавшим девочку в голландском костюме, вяжущую у окна чулок, Александра невольно усмехнулась. Она вспомнила себя лет пятнадцать назад, когда ее карьера в качестве оценщика

и закупщика антиквариата только набирала обороты. «Тогда, если меня просили оценить вот такой новодел, от которого за версту веяло свежим лаком, я произносила какие-то яростные речи, доказывала, обличала, возмущалась... А потом поняла, что ничего этого делать не нужно. Посредственная живопись девятнадцатого века или вчерашнего дня – да какая разница? То и другое – ерунда, не стоящая того, чтобы ради нее портить нервы. А если владельцу хочется, чтобы его сокровище оценили повыше – да пожалуйста, кому от этого вред... Разве что мне, моей репутации. Поэтому я все-таки говорю горькую правду, даже в ущерб заработку. Но говорю ее спокойно, никого не хватая за грудки...»

– Оп!

Кто-то, внезапно подскочив сзади, закрыл ей глаза ладонью, отчего Александра вскрикнула. Ее испуганный голос пронзил теплую тишину пассажа, где в этот час почти никого не было. Обернувшись, художница увидела Варвару, встречу с которой так старательно оттягивала, блуждая по переходам.

– Ты?! – воскликнула ее давняя знакомая, прижимая Александру к себе, затем вновь отстраняя и целуя в обе щеки. – Почему не предупредила? Я ведь могла сегодня не прийти, видишь, торговли нет, никого нет!

– Я случайно, проездом, – оправдывалась художница, избегая встречаться взглядом с Варварой, боясь, что та прочтет в ее глазах, как мало Александра рада этой встрече. – Даже не думала сперва сюда заходить, но потом захотела увидеть тебя...

– Знаю, знаю я, как ты решила увидеть меня, – отрезала Варвара, не дав ей договорить. – Собиралась мимо проскочить!

– Но я действительно...

– Ладно, не оправдывайся! – вновь оборвала ее та. – Идем ко мне, выпьем кофе, да, пожалуйста, я и закроюсь. Сегодня пустой день. Зачем пожаловала, если не секрет? Не понимаю, зачем ты пришла в среду, сегодня же совсем нет торговли. Ты видишь – пусто! Я уже хотела закрываться, потому что никого нет. Могла вообще сегодня не прийти!

Она говорила очень быстро и очень громко, слегка брызгая слюной и надвигаясь на собеседницу, так что Александра испытывала сильное желание отступить на пару шагов назад и прикрыть ладонями уши. Священная, тонко и остро пахнущая пылью тишина часовни была нарушена. Очарование улетучилось – теперь это был не зачарованный мир Зазеркалья, а просто торговый пассаж в центре Амстердама, самым прозаическим образом приспособленный для торговли старым хламом по высоким ценам.

– Что ты морщишься? – внезапно оборвала саму себя Варвара. – Что-то болит?

– Я не морщусь, – страдальчески ответила художница. – Или случайно, тебе показалось. Я хотела тебя спросить о...

– Да морщишься, морщишься, неужели я не вижу! – Схватив жертву под руку и тесно прижав к своему боку локоть Александры, Варвара повлекла ее к своему магазинчику, на ходу повествуя о возмутительной истории, случившейся тут же, на рынке.

Оказалось, что одна из продавщиц («Ты ее помнишь, она кривоногая, страшная, из Словакии, нет, не говори, что не помнишь, ты все помнишь!») вышла замуж за голландца, причем за крупного бизнесмена, причем, в довершение всех бед, очень привлекательной наружности.

– Я не знаю, как они будут общаться, у нее же два слова по-голландски, дура, позарился на ее кривые ноги и отвислую задницу, хотя в постели это не важно, людям без вкуса это все равно, не говори, что ты ее не помнишь, ты отлично ее помнишь! Такая страшная, белобрысая, килограмм краски на лице, выглядит как дешевая шляпка. У некоторых мужчин совсем нет вкуса, они не понимают, что натюрель куда лучше! Я вот, например, никогда не крашусь!

«Надя, я это терплю ради тебя!» – подумала Александра, уже начинавшая испытывать тошноту, всегда возникавшую у нее в первые же минуты общения с Варварой. Они не виделись два года, и за это время Варвара стала говорить еще быстрее, голос то поднимался до крика,

словно она с кем-то спорила, то спускался до шепота, в котором ненависть и зависть слышались еще явственней. Самым тяжелым для Александры было то, что эти подъемы и спуски чередовались совершенно правильными ритмическими узорами, оставляя почти гипнотическое впечатление. Варвара была из редкого числа людей, которые не нравились Александре совершенно, но если бы ее спросили, что она находит в этой женщине самым отвратительным, художница назвала бы даже не темы разговоров (это были сплетни и только сплетни), а голос рассказчицы и ее манеру по множеству раз повторять одни и те же истории. Сплетни эти сцеплялись друг с другом в произвольном порядке, как вагончики в поезде игрушечной железной дороги. Так, за полчаса Варвара успевала рассказать до пяти историй, каждую из которых повторяла при этом по три-четыре раза, и этот визжащий в однообразном ритме состав мчался и мчался по кругу, никогда не останавливаясь и не сходя с рельсов. Однажды, будучи у Варвары в гостях, Александра слушала речи хозяйки восемь часов подряд. После у нее начались такие острые рези в желудке, что она заподозрила язву. Но врач, уже в Москве, разуверил ее в этом, сообщив, что рези были нервного происхождения.

При этом по совершенно необъяснимой причине Варвара очень симпатизировала Александре, хотя та ничего не делала для того, чтобы завоевать ее любовь. Владелица магазинчика на Де Лоир просто вцеплялась в землячку, когда видела ее, и была готова оказать любую услугу, помочь всем, чем возможно. Александра видела это, понимала, пыталась насильно пробудить в себе чувство признательности и симпатии... Напрасно. Она убеждала себя в том, что Варвара одинока, скучает по родине, нуждается в дружбе и общении... Все зря. Стоило Александре увидеть эти близко посаженные, бегающие, пустые глаза, эти мимические морщины вокруг рта, красные пятна на жилистой шее, выступавшие в пароксизме болтовни... она сразу забывала обо всем, за что могла бы поблагодарить Варвару, и тем более о том, за что ее следовало пожалеть. В такие минуты Александра сама себе казалась неблагодарной и пристрастной. Сделать же она могла только одно – избегать всяких контактов с этим человеком, так сильно ее раздражавшим.

– Ну, говори! – приказала Варвара, втащив гостью в свой магазинчик и усадив на почетное место, в креслице рококо, обитое блеклым розовым атласом. – Рассказывай!

– Я...

Рассказывать, впрочем, ей не дали – Варвара тут же заговорила сама. Она металась по магазинчику, ахала, картинно закатывала глаза, наливала из термоса кофе для гостьи, кофе для себя, шурилась, гримасничала, трещала на две темы сразу и, судя по всему, была счастлива. Александра покорно ждала паузы. Она знала, что этот момент наступит, главное, его не упустить.

За те два года, что они не виделись, Варвара совсем не изменилась. Ей было за пятьдесят или за шестьдесят, могло быть и под семьдесят – Александра не удивилась бы, услышав любую цифру. Варвара принадлежала к тому сухому, почти бестелесному типу людей, которые сохраняются прежними в течение десятилетий, как усыпленные эфиром насекомые в застекленных коробках. Увы, то была не бабочка – то был богомол. Треугольное скуластое личико, мощные и хищные движения нижней челюсти, пугающе непроницаемое выражение маленьких черных глаз – все напоминало Александре именно это насекомое. Каштановые волосы с сильной проседью висели вдоль красноватых, увядших щек, ложась на плечи голубого пиджака, купленного здесь же, на развалах Де Лоир. Бархатный пиджак, рубашка с кружевным жабо, с воткнутой наискось рубиновой булавкой, джинсы и ковбойские сапоги – вот был обычный наряд Варвары, или Барбары ван дер Мекк, как она значилась в замужестве. Таков он был и сегодня, не изменившись ни на йоту.

Тем временем художница огляделась и отметила про себя необыкновенную пустоту в магазинчике. Сегодня здесь выставилось всего несколько вещей – пара креслиц, банкетка, несколько этажерок для цветов. Обычно вещи громоздились друг на друга и в магазинчике

было трудно передвигаться. Теперь здесь можно было танцевать. «Возможно, дела идут хорошо и она все распродала на днях? – задалась вопросом Александра. – Или... дела идут совсем не важно и дело ликвидируется?»

Варвара, войдя в бизнес мужа, уже второе десятилетие торговала на Де Лоир предметами обстановки, предпочитая туалетные столики, банкетки, настольные и напольные зеркала. Все это могло разместиться даже в небольшой комнате, и потому вещи расходились быстро, в отличие от громадных старинных шкафов и кроватей, которые именно из-за своей громадности просто выбрасывались и уничтожались. Такая ситуация повсеместно царила в Европе. Стоило владельцам громоздкой старинной мебели попасть в богадельню, а затем на кладбище, как мебель гибла вслед за ними. В лучшем случае предметы обстановки оказывались на складах, где их можно было приобрести за сущие гроши или даже забрать даром. Однажды в Париже Александра с ужасом и болью наблюдала за тем, как на заднем дворе подобного мебельного склада распиливали на части старинную кровать грушевого дерева изумительной резной работы, в стиле барокко. Бензопила насквозь пронзала спинку, украшенную гербовым щитом, который держали в поднятых лапах мифические крылатые чудовища. Старое дерево, пережившее века, стонало и визжало, как живая плоть, когда в него вонзалось лезвие пилы, и этот звук отдавался у Александры в костях и зубах. Вихрем летели опилки, ядовито пахло паленым деревом. Женщина, внутренне содрогаясь, наблюдала за гибелью двухспальной кровати, на которой явно родилось не одно поколение владельцев герба. Где они были теперь, потомки людей, которые служили королю Франции и гордо носили этот герб на своих щитах, на столовых приборах и мебели, на дверцах карет? Быть может, погибли еще во время Великой революции или сгинули в изгнании и на этой кровати рождались и умирали чужие им люди? Или этот род существует и поныне, но ему больше нет дела до старой рухляди, которая сейчас трагически погибает под наглым напором пилы, никем не оплаканная, никому не нужная, как выжившая из ума, забытая в богадельне прабабка?...

– Ау? Ты опять спишь с открытыми глазами? – Присев перед гостьей на низкий стульчик, Варвара протягивала кружку с кофе. – Вечно ты где-то витаешь. Рассказывай теперь ты, ну? На аукцион приехала? Я даже знаю, на какой! К Бертельсманну? У них в четыре начинается. Каталог в Сети видела? Много «малых голландцев». Значит, к нему? Там будет масса интересного, как всегда, перед Святым Николаем.

– Хорошо бы на аукцион к Бертельсманну, – наконец собралась с духом Александра. – Да денег нет. Там же все запредельно дорого.

– У меня тоже денег нет, – быстро ответила Варвара. – А то бы я тебе заняла. Ты же отдашь, я знаю.

– Нет-нет, я совсем не нуждаюсь в деньгах, и вообще... Я не потому приехала...

Приняв кружку, художница с минуту дула на дымящийся кофе, пытаясь собраться с мыслями. Она не могла придумать, каким образом половчее спросить о Надежде. Варвара, как назло, молчала. Это случалось с ней редко и значило одно: ее внимание, вечно занятое ворохом сплетен и пустяков, наконец привлекла личность собеседника.

– Скажи, ты давно видела Надю? – Так ничего и не придумав, Александра решила действовать напрямик. – Надю Пряхину? Она должна быть здесь сейчас.

Варвара, озадаченно хмурясь, смотрела прямо в глаза гостье. Затем медленно, против своего обыкновения, выговорила почти по складам:

– Ты имеешь в виду московскую Надю, которая... Да, я ее помню. Сто лет не видела.

«Еще бы тебе ее не помнить! – в сердцах подумала Александра, с трудом скрывая разочарование. Визит на Де Лоир оказывался напрасной тратой времени. – Она же у тебя работала когда-то в Москве! Она же меня на тебя и навела!»

С Варварой (тогда уже Барбарой) Александра познакомилась не в Москве, а в Амстердаме. Адрес ее магазина дала Надежда. В начале девяностых, когда Пряхина только-только

окончила школу, ей удалось устроиться работать в антикварный салон, который содержала Варвара. Там Надежда и постигала азы ремесла, набивала первые шишки и делала первые успехи. Впрочем, салон вскоре перешел в другие руки в связи с тем, что его владелица вышла замуж за голландца и уехала за границу. Надежда вспоминала те времена без теплоты и энтузиазма. Она также, по всей видимости, не испытывала никакой симпатии и благодарности к Варваре, хотя та, можно сказать, и вывела ее на жизненный путь. «Ты ее за что-то не любишь?» – спросила Александра, получив от Пряхиной координаты Варвары в Амстердаме и ряд очень сухих инструкций. «Таких не любят!» – кратко ответила Надежда, и на том обсуждение закончилось. В Амстердаме Александра нашла магазин на Де Лоир, познакомилась с Варварой. Хотя общение было неприятным и пришлось выслушать уйму чепухи, Варвара оказалась очень полезна в профессиональном плане. Она познакомила художницу с несколькими посредниками, у которых можно было поживиться остатками распроданных коллекций, лотами, снятыми с аукционов для переоценки, и прочими непредсказуемыми в плане прибыли вещами. Варвара просто вцепилась в бывшую соотечественницу. О Надежде она говорила мало и словно с неохотой. Александра не знала подробностей их расставания тогда, двадцать лет назад, но у нее осталось впечатление, что обе женщины затаили друг на друга обиду.

«Хотя Варвара ничего таить не умеет, из нее все тут же выплескивается! – думала Александра, отпивая остывающий кофе и придумывая предлог, как побыстрее уйти. – Что и говорить, это ее неоспоримое достоинство!»

– Сто лет не видела, – тем временем повторила Варвара, поднимаясь с пуфа и начиная кружить по полупустому магазину. Она выглядела обеспокоенной. – А зачем она тебе понадобилась? Ни с того ни с сего?

– То есть почему – ни с того ни с сего? – удивленно взглянула на нее художница. – Мы с нею в дружеских отношениях, есть общие дела. Надя уже полгода живет в Амстердаме, и я хочу узнать, почему она здесь задержалась.

– Вряд ли она здесь, – возразила хозяйка магазина.

Ее лицо заметно исказилось. Варвара была страшно ревнива, Александра знала по опыту, что при ней нельзя хорошо отзываться ни о ком, включая даже тех людей, о которых хорошо отзывалась сама Варвара. – А то бы она ко мне хоть раз зашла, за полгода-то. Нет, сто лет ее не видела!

Александра вытащила из кармана куртки часы. Время близилось к половине второго. Варвара моментально оказалась рядом:

– Спешить? Очень? Давай пообедаем вместе?

– Я спешу, в самом деле... Очень спешу!

– Она что-то тебе про меня рассказывала, да? – перебила Варвара. – Гадости всякие? Ты поэтому от меня сторонись?

– Надя никогда ничего мне о тебе не говорила! – возразила Александра.

Но ее и слушать не хотели. Выставив вперед руку, словно отбивая все аргументы, Варвара отрицательно мотала головой:

– Говорила-говорила, я ее знаю. Да мне все равно, что она там обо мне врала! Но удивительно, что ты ей поверила!

«Ты-то зато никому никогда не веришь, за всех сама думаешь и решаешь, кто что про кого говорил!» Александра все явственнее чувствовала, как растет раздражение, которое всегда вызывала в ней эта женщина. И то, что Варвара неизменно была с ней приветлива, ничего не меняло. Александра помнила старое правило, никогда ее не подводившее: «Если кто-то сплетничает с тобой о других, значит, он сплетничает с кем-то и о тебе. Для сплетника нет запретных тем и неприкосновенных людей. А тот, кто никому не верит, – сам лжец!»

– Так мы сейчас обедаем вместе! – не терпящим возражений тоном произнесла Варвара. – Живот подвело уже, а от кофе тошнит. А потом – к Бертельсманну. Познакомлю тебя

с одним нужным человеком, он там будет обязательно. Даст заработать, сто процентов! Ты отсюда потом куда? В Европу или в Москву?

– Домой. – Александра вернула пустую кружку и поднялась. У нее голова шла кругом не столько от нескончаемой болтовни собеседницы, сколько от разочарования. – Завтра же утром. И мне еще нужно...

Но хозяйка магазина не желала знать, что нужно Александре. Как всегда, ей было совершенно все равно, какие планы строит собеседник. Она предлагала свою программу действий, а если ей сопротивлялись, устраивала самую настоящую истерику, такую громкую и постыдную, что жертва или сбегала, или в ужасе сдавалась.

– Идем-идем. – Варвара заперла термос и кружку в шкаф, мельком заглянула в зеркало на туалетном столике, скорчила гримасу своему отражению. – Сейчас на секунду заглянем в бюро, я отчитаюсь, что ушла. Вдруг какой-нибудь идиот сюда заглянет, они мне сразу перезвонят. Нет, никого сегодня не будет, я чувствую!

Александра покорно пошла за нею, не чувствуя в себе сил для борьбы. Да и какой смысл бороться? Больше во всем Амстердаме не было ни одного человека, у которого она могла что-нибудь узнать о Надежде. Диана и Юрий даже не подозревали о ее существовании, а Надежда знала о них лишь со слов Александры. Другие, очень немногочисленные и большей частью случайные знакомые, которые были здесь у художницы, также никогда не контактировали с исчезнувшей антикваршей. Приятельницы как-то обсуждали свои деловые контакты в Нидерландах, и выяснилось, что точка пересечения у них всего одна – Барбара ван дер Мекк.

«Но могли быть и другие общие знакомые, которых мы не называли, забыли... Разве всех упомнишь?» Александра вновь миновала отдел кружев, винтажной одежды, украшений, посуды, церковной утвари. Продавец в очках все так же сидел в дальнем углу, сгорбившись над книгой. На этот раз он даже не поднял головы. «Похоже, я сегодня попаду на аукцион к Бертельсманну, хотя при моих скудных финансах это пустая трата времени... Зато встречу кого-нибудь, почти наверняка. Придется спрашивать о Наде всех знакомых подряд. К шести постараюсь оттуда удрать. *«Отель «Толедо», номер 103 А»!* Значит, Надя считала, что мне зачем-то пригодится эта информация? И я смогу ею воспользоваться в том куцем виде, в каком она ее оставила? Не написала больше ничего! Почему такая краткость? Спешила? Но хоть пару лишних слов успела бы черкнуть... Или... за ней наблюдали и она не хотела писать лишнее?!»

– погоди минуту, никуда не удирай! – Варвара погрозила пальцем и скрылась в комнате, где располагалось бюро управляющего.

Александра отвернулась к витрине, тянувшейся вдоль узкого коридора, примыкающего к бюро. Здесь также теснились неизбежная бисквитная посуда, голубая, серая и лиловая, начищенная индийская латунь, тускло мерцающий мельхиор, пестрая перегородчатая эмаль – весь ширпотреб, примерно одной ценовой категории...

Александра рассеянно скользила взглядом с предмета на предмет, отмечая цифры на ценниках, внутренне сокрушаясь о том, что не сможет даже окупить расходы на поездку. Женщина уговаривала себя не расстраиваться. «Я сделала все что могла и даже больше, при моем-то нынешнем безденежье! В конце концов, Надя ведь сказала сестре по телефону, что ничего срочного в письме нет, я приехала только потому, что на сердце стало беспокойно... И в самом деле, в письме не только ничего срочного, там вообще ничего нет! И вот это меня пугает. Но что я могу сделать?! Я даже не знаю, нужна ли ей помощь!»

Появилась Варвара, раскрасневшаяся еще больше, недовольная.

– Честное слово, брошу эту лавочку! – заявила она Александре в ответ на вопрос, что случилось. – Мнят о себе слишком много, аренду дерут непомерную, стоит задержать оплату на день, как сразу начинаются разговоры за жизнь... А торговли нет совсем, никакой. Кризис. Муж говорит, что нужно это дело бросать. Мало мы работали, что ли? Пора на покой. Дочери

уже сами зарабатывают, а нам с ним на жизнь хватит. Да, я тебя не спросила, как торговля в Москве?

– Примерно так же весело, – ответила Александра, следуя за Варварой к выходу. – Шевелимся кое-как...

– Везде одна и та же песня! – раздраженно бросила Варвара, обернувшись. – Ну, что глазеешь по сторонам? Здесь ничего нет. Все давно перекуплено по десять раз, цены видела? Но я тебя сведу после обеда с золотым человеком, там, на аукционе. Хоть дорогу окупишь! А про Наденьку забудь, это пустой номер и очень плохой партнер! Я слышала о ней такие отзывы...

– От кого, когда? – насторожилась Александра.

– Да я уже не помню. От нескольких людей сразу! – уклончиво ответила Варвара.

То была ее обычная манера – очернить человека, который чем-то ей не угодил, но наотрез отказаться сообщить конкретный источник негативной информации. Александра сталкивалась с этим явлением не раз и была уверена, что все эти выпады основаны только на фантазиях самой Варвары. Как большинство людей, страдающих истерией, ее бывшая соотечественница испытывала страдания, когда хвалили не ее, говорили не о ней, интересовались кем-то другим. Компенсировала она эту инфантильно понятую «несправедливость» также по-детски, выдумывая самые ужасные истории про своих ближних и не очень заботясь об их достоверности.

Заведение, куда привела ее Варвара, находилось через несколько домов от входа на Де Лоир, на набережной грахта. Это была типичная для центра Амстердама пивная: маленький зал с тремя длинными деревянными столами, крутая лестница на второй этаж, еще более крутая, почти отвесная, лестница вниз, в подвал. Бело-голубой кафель на стенах, блестящие пивные краны, скопище старого забавного хлама на полке под самым потолком – там были выставлены детские игрушки, коробки из-под чая, подсвечники с оплывшими свечами, глиняные кружки. Вероятно, в сезон здесь всегда толклись туристы, свернувшие на канал с Мархних-страат. Сейчас, в начале декабря, в пивной было пусто.

Варвара поздоровалась с барменом за руку, как со старым знакомым. Крепкий краснолицый мужчина с ежиком седых волос над низким лбом приветливо улыбался, показывая прокуренные зубы, выслушивая то, что быстро говорила ему Варвара, делавшая заказ. Александра, едва знавшая по-голландски приветственное *hallo*¹ и благодарственное *bedankt*,² гладила толстую черно-белую кошку, тут же подкравшуюся к ней под столом. Кошка сыто жмурилась, закатывая узкие зеленые глаза, на ее ошейнике позвякивал латунный бубенчик.

– Ей семь лет! – гордо сообщил хозяин на ломаном английском, увидев, что Александра осторожно почесывает его любимице хребет. Кошка от наслаждения урчала громче и громче, неуклонно прибавляя звук.

– Никогда бы не подумала! – честно ответила женщина. – Ей и двух не дашь!

Хозяин польщенно засмеялся и отправился на кухню, отдать повару заказ. Варвара, стягивая шерстяной палантин, в который закуталась, выходя из пассажа, сладко потянулась:

– Как они все здесь помешаны на своих животных... Заметила, у него на двери наклейка, что с собаками вход воспрещен? Теряет уйму клиентов из-за этой королевы!

«Королева», сделав несколько резких движений хвостом, словно опровергая предположение, что из-за нее теряются клиенты, демонстративно ушла. Варвара, провожая кошку взглядом, тихонько рассмеялась и тут же снова повернулась к Александре:

– А теперь начистоту, зачем ищешь Наденьку? Она тебе денег должна? Скрывается?

– Мне ни копейки никто не должен... К сожалению!

¹ Привет (*нидерландск.*).

² Благодарю (*нидерландск.*).

Александра порылась в сумке, машинально достала и тут же спрятала сигареты. Курить во всех кафе и ресторанах Амстердама была запрещено. Исключение представляли знаменитые кофешопы, но там курили вовсе не табак или не совсем табак.

– Нет, честно?

Варвара, усевшись напротив, облокотилась о столешницу и подперла кулаком щеку, пристально глядя в глаза художнице. Александру всегда смущал и неприятно настораживал неподвижный взгляд этих черных маленьких глаз, глубоко вдавленных под брови, словно изюмины в тесто. Ей чудилось в этом взгляде нечто маниакальное, и она даже предпочитала, чтобы Варвара болтала в своем обычном изнурительном темпе, чем вот так выжидательно молчала и смотрела на нее.

– Я все уже сказала, – пожала плечами Александра, делая вид, что ее заинтересовал хлам, расставленный на полке под потолком. – Смотри, какая интересная тарелочка... Я ищу Надю потому, что о ней уже полгода ничего в Москве не знают. Она звонила домой всего раз.

– Значит, не хочешь говорить! – после паузы заявила Варвара. Она не изменила позы и продолжала сверлить собеседницу взглядом. – Дрянь твоя тарелочка, я давно замечала, что ты ни черта не понимаешь в фарфоре. Это современный китайский хлам. Повторяю, твоей любимой Наденьки в Амстердаме нет, иначе я бы с ней давно пересеклась. За полгода здесь можно встретить кого угодно, и Наденьку, и Ведьму Ивановну, и Лешего Петровича. Если они существуют в натуре, конечно.

Александра, уязвленная презрительным отзывом о ее способностях, только качнула головой. Она чувствовала, что собеседница злится все больше, накручивая сама себя. А Варвара продолжала, неуклонно повышая голос:

– Если ты только ради нее приехала, то выбросила деньги в помойку. Я поражаюсь, как она умеет заморочить голову умному вроде бы человеку! Еще когда она была девчонкой и в Москве на коленях передо мной ползала, чтобы я ее в салон взяла, потому что ей жрать нечего было, я за ней заметила это... Аферистка! Ничего ведь не знала, не умела, сопли еще не обсохли, а в итоге я взяла ее вместо опытного оценщика. Всему ее учила, время теряла, нервы и деньги! Сколько вреда она мне принесла! Так еще и уволить я ее никак не могла. Каждый раз после проколов Наденька что-то такое плела, что я ей верила! И опять все повторялось! Когда мы расстались, я свечку в церкви готова была поставить за избавление от мук! Поражаюсь... Просто поражаюсь, до чего ты не разбираешься в людях! В твоём-то возрасте пора уже расстаться с наивностью!

Она говорила и говорила, на жилистой шее опять выступили красные пятна, похожие на аллергическую сыпь, узловатые, артритические пальцы произвольно сжимались и разжимались, словно силились что-то ухватить в воздухе – может быть, шею воображаемого обидчика. Александра старалась не вслушиваться, думать о своем, но это было невозможно – Варвара уже почти кричала. «Она в бешенстве! – Александра с преувеличенным вниманием разглядывала фарфоровую тарелочку, о которой так резко отозвалась ее спутница. – Ревность? Зависть? Надя говорила о ней, что «таких не любят». С «такими», кажется, и не дружат – когда я однажды болтала с Эльком в его часовом магазине на Де Лоир и упомянула Варвару, у него сделалось какое-то странное лицо... А уж Эльк – милейший человек, хотела бы я видеть, с кем он не способен поладить! Но почему она в меня, именно в меня так вцепилась? Почему ей нужна именно моя дружба? Я, кажется, не скрываю, что общаюсь с ней постольку-поскольку, ради дела. Господи, как она тарыхтит!»

Александру спас хозяин: пританцовывая с неожиданной для своего крупного сложения легкостью, он появился из-за стойки с двумя огромными тарелками в руках. Поставив их перед дамами, он исполнил еще одно па и немедленно вернулся с двумя бокалами любовно нацеленного пива. Затем склонился над Александрой и с теплой фамильярностью потрепал ее по плечу:

– Получайте удовольствие, *мевроу!*³

– *Dank!*⁴ – радостно отозвалась Александра.

Художницу давно мучил голод. Блюдо, которое поставили перед ней, было незамысловатым, как вообще вся традиционная голландская кухня: мясные тефтели, политые ягодным соусом, и вареный картофель с маринованной капустой. Александра восприняла его с восторгом – она любила простую кухню и не стыдилась признаваться в том, что гурманство ей чуждо от природы.

– По крайней мере, в этой забегаловке не отравят, мясо свежее, – критически заметила Варвара, вытирая салфеткой зубья вилки. – Ты меня слушала или нет? Я говорю, что нечего и мечтать получить с нее денежки. Можешь с ними попрощаться!

– Бог мой... – Александра сделала глоток ледяного пива и облизала губы. – Почему ты не веришь мне на слово? Ничего мне Надя не должна. Я просто беспокоюсь – как можно так надолго уехать и никому ничего не объяснить?

– А я тебе скажу! – Варвара не сводила с собеседницы пристального взгляда. – Если Наденька отколола такой номер и ее никто не может найти, значит, она задолжала. Кому-то другому, раз уж не тебе. И крупно задолжала!

Александра не ответила. Она впервые обдумывала этот вариант. Приходилось признать – такая вероятность существует. Подобный поступок никак не вязался у нее с личностью исчезнувшей приятельницы, но подобная невероятная скрытность должна была иметь какое-то объяснение.

– Сорвала большой куш, надула кого-то и сбежала, так все делают! – рассуждала Варвара, быстро разделяваясь с тефтелями. Она умудрялась жевать и говорить одновременно одинаково неопрятно. Александра старалась на нее не смотреть. – Сколько я повидала таких беглецов... Как послушаешь их – на родине притесняют, копеечку заработать не дают. А потом выясняется, что они просто кого-то обобрали. Кого-то не того. Что, не веришь? Думаешь, твоя драгоценная Наденька на такое не способна? Я ее лучше знаю. Все эти якобы интеллигентные идейные тихони слеплены из одной глины!

– За полгода до меня дошли бы какие-то слухи! – возразила Александра, поддевая вилкой капусту. – В том-то и дело, что никто ничего о ней не говорит. Уехала и пропала. Все это... пугает, мягко говоря.

– Нервы, нервы... – иронически протянула Варвара. Казалось, однако, что она начинает постепенно проникаться услышанным. – Не драматизируй! Рано или поздно все прояснится.

– Надеюсь... – грустно ответила Александра.

А Варвара с проникательностью, свойственной многим подозрительным людям, продолжала:

– Я даже слышать не желаю о том, что ты сюда приехала только ради подружки. Молчи, молчи, по глазам вижу, что ты свалила дурака и решила, что она попала в беду! Думаешь, Наденька это оценит? Не дождешься! Сколько тебе лет? Сорок пять? С ума сойти! А ведешь себя как пятилетняя девчонка! И никаких дел у тебя здесь нет, не ври мне! У меня чутье, как у медиума...

«Провались ты со своим чутьем! – думала Александра, не сводя взгляда со своей тарелки. – Я вот доверилась своему чутью, и что?! «Отель «Тоledo», номер 103 А!» Блестящий результат!» Отрицать очевидное она не могла – приезд в Амстердам оказался напрасным. И хотя проживание ничего ей не стоило, деньги за билет были выброшены на ветер. Загадочное письмо не подлежало расшифровке и к тому же не содержало призыва на помощь. Александра промокнула салфеткой губы и положила вилку:

³ *Mevrouw* (нидерландск.) – сударыня.

⁴ *Dank* (нидерландск.) – спасибо.

– Я сама знаю, что поступила глупо. Скажи лучше, ты слышала когда-нибудь про отель «Тоledo»? Знакомое название?

Варвара, которую внезапно перебили, с неудовольствием отрезала:

– Никогда не слыхала! Наверное, дешевый грязный хостел, с кофешопом на лестнице! Или попросту бордель!

– А если спросить хозяина?

– Сейчас спрошу. Кстати же, нам пора двигаться! Аукцион на Ломбардстиг, туда идти полчаса. Ты же не на велосипеде? Кофе выпьем в другом месте!

Варвара призывно махнула хозяину, который, грузно облокотившись на стойку, смотрел футбольный матч по крошечному телевизору. Когда он приблизился, Варвара задала ему несколько вопросов по-голландски. Мужчина задумался, потом покачал головой, глядя на Александру.

– Он не слышал о таком отеле, – перевела Варвара, кладя деньги возле тарелки и поднимаясь. – Нет, не смей, я угощаю!

Александра сунула обратно в сумку вынутый было бумажник. Голова у нее шла кругом, и вовсе не от бокала пива, который она даже не допила. «Что за ребус?! Варвара живет здесь двадцать лет, а хозяин с рождения, вероятно. Портье прочесал все результаты запроса в базе... Такого отеля в Амстердаме нет!»

Вероятно, жестокое разочарование слишком ясно было написано у нее на лице, потому что Варвара ободряюще похлопала художницу по плечу:

– Не расстраивайся! На аукционе будет человек, который знает в Амстердаме каждый камешек в мостовой! И то, что под камешком, тоже! Я его расспрошу, да и тебе не вредно будет с ним подружиться. Мы найдем этот паршивый отель, если только в Амстердаме вообще есть отель «Тоledo»!

В этот момент колокольчик, по старинке привязанный над входной дверью, простуженно звякнул. Дверь отворилась, впуская в пивную сырой холод. С набережной, заметно прихрамывая, вошел новый посетитель, высокий худощавый мужчина в черном пальто. Когда он, неловко прикрыв за собой дверь, обернулся, Александра обрадованно вскрикнула.

Это был ее старый знакомый, владелец лавки часов на Де Лоир, Эльк Райнике. Сняв очки, протирая носовым платком запотевшие стекла, он близоруко и доверчиво щурился, оглядывая помещение, которое сейчас представлялось ему скопищем туманных цветочных пятен. Хозяин коротко, гортанно выкрикнул приветствие, Эльк махнул в ответ. Александра с улыбкой ждала, когда он наденет очки и узнает ее.

– Этого еще черт принес! – процедила Варвара, резкими движениями обматывая вокруг плеч палантин. – Не понимаю, что ты в нем находишь! Меня он бесит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.